

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ГЛИНКИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ОТЪ 1845 ГОДА ДО 1854 ГОДА.

ПЕРИОДЪ XI*).

Путешествие и пребывание въ Париже.

Мы заѣхали на короткое время въ деревню, я пробылъ нѣсколько дней съ матушкой въ Новоспасскомъ, заѣхалъ въ Беззаботье къ Николаю Дмитріевичу Гедеонову, оттуда чрезъ Смоленскъ въ Варшаву. Ёхали мы на почтовыхъ въ коляскѣ, купленной мною въ 1840 г. Изъ Варшавы черезъ Познань въ Берлинъ. Тамъ я провелъ нѣсколько дней съ З. Деномъ (бывшимъ моимъ учителемъ контрапункта). Со мною были партитуры моихъ оперъ. День остался чрезвычайно доволенъ моимъ терцетомъ изъ Жизни за Царя: Не томи родимый.

Изъ Берлина на почтовыхъ же отправились мы въ Кёльнъ, где оставили коляску.

Желѣзной дорогой домчались до Ахена, где пробыли нѣсколько дней; — изъ Ахена въ Брюссель. Въ Брюсселе были праздники к е г т є з; — Блазъ (кларнетистъ) часто бывалъ со мной и въ саду я слышалъ необыкновенно стройный оркестръ духовыхъ инструментовъ, состоящій изъ ремесленниковъ. Подобные оркестры были въ Люттихѣ, Антверпенѣ и Гентѣ. Къ сожалѣнію, это общество уже не существуетъ; оттуда по желѣзной дорогѣ до города Mons, а потомъ въ дилижансѣ въ Парижъ.

Мы въѣхали улицами Faubourg Montmartre и rue Montmartre.

Огромность семи-этажныхъ домовъ и необыкновенное движение на улицахъ поразили меня самымъ пріятнымъ образомъ. Théodore (Гедеоновъ), оставя меня, Адель и наши вещи въ конторѣ дилижанса, сейчасъ же отыскалъ намъ квартиру и мы переехали въ Passage de l'opéra (de l'Horloge) на 6-ой этажъ въ маленькую, но опрятную квартиру. Это было около второй половины іюля; время было жаркое; изъ оконъ нашихъ видна была лучшая часть бульвара. Обѣдать ходили мы въ ресторацию.

*) Русская Старина, т. I, изд. первое, стр: 380—402; 474 — 494; 562 — 594; изд. второе стр. 313, т. II, стр. 56—73; 266—293; 372—397.

Въ это время между нашими соотечественниками были М. Л. Неваховичъ (издававшій впослѣдствіи «Ералашъ») и И. Д. Норовъ, привезшій съ собой хорошій запасъ денегъ (до 80,000 фр.). Первый забавлялъ меня своими шутками и карикатурами, а второй требовалъ, чтобы я всегда принималъ участіе во всѣхъ *parties de plaisir*, которыхъ онъ затѣвалъ.

Въ концѣ іюля были праздники въ память юльскихъ дней (*journées de Juillet*), жуты (*joutes*) на Сенѣ и иллюминаціи, куда по незнанію отправясь вмѣстѣ съ толпою, едва не были мы раздавлены. Насъ спасъ французъ изъ Петербурга, по имени м-г Edouard; онъ же носилъ меня на плечахъ по большой аллее Елисейскихъ полей, чтобы мнѣ виднѣе была иллюминація.

Въ сентябрѣ приѣхалъ въ Парижъ князь Елимъ Мещерскій; онъ началъ переводить на французскій языкъ нѣкоторые изъ моихъ романсовъ. Это трудное предпріятіе однако не удалось; болѣзнь, а потомъ преждевременная кончина князя (въ ноябрѣ того же года) не допустила привести въ исполненіе этого труда.

Я тщательно осматривалъ достопримѣчательности Парижа. Въ Версалі былъ съ княземъ Елимомъ и графомъ Михаиломъ Юр. Віельгорскимъ, который провелъ нѣсколько дней въ Парижѣ.

Около того же времени (въ сентябрѣ) узналъ я, что Листъ отправился въ Испанію. Это обстоятельство возбудило мое давнишнее желаніе побывать въ Испаніи такъ сильно, что не откладывая я написалъ объ этомъ матушкѣ, которая не вдругъ и даже не скоро согласилась на это мое предпріятіе, опасаясь за меня.

Не теряя времени я принялъся за дѣло. Князь Елимъ Мещерскій познакомилъ меня съ испанцемъ Souza; онъ принадлежалъ къ испанскому посольству, былъ прежде того и въ Петербургѣ, зналъ хорошо музыку, которой учился у известнаго композитора Шуберта, и вообще былъ человѣкъ образованный и пріятный въ обществѣ. Онъ отрекомендовалъ мнѣ учителемъ испанского языка испанца по имени Biesma Gueggего (онъ впослѣдствіи былъ учителемъ дѣтей Людвига Филиппа). Въ самую первую лекцію онъ объяснилъ мнѣ характеристическія черты испанского языка; сейчасъ послѣ того я переводилъ «Хилблаза» съ французскаго на испанскій языкъ; къ слѣдующей лекціи я

записывалъ переводъ, онъ исправлялъ его, я его переписывалъ на-чисто, прочитывалъ нѣсколько разъ вслухъ и такимъ образомъ упражнялся въ произношеніи, привыкалъ къ испанскимъ оборотамъ и почти помнилъ все переведенное мною наизусть.

Въ то же время читалъ испанскую комедію *Els i de las pinas*, разные литературные отрывки изъ хрестоматіи, въ томъ числѣ отрывки изъ Донъ Кихота Сервантеса. Слѣдя этой превосходной системѣ, я въ короткое время началъ понимать испанскій языкъ и даже нѣсколько говорить на немъ.

Въ сентябрѣ же мѣсяцѣ мы съ Théodore и Adèle перѣехали въ гнѣ de Provence № 5. У насъ была довольно большая зала; кушанье готовили дома и всегда у насъ былъ лишній приборъ для пріятеля.

Я попробовалъ-было лечиться іодомъ у доктора Шустера, но безъ малѣйшаго успѣха.

Я жилъ разнообразно и искренно веселился съ пріятелями до ноября мѣсяца. Стало очень свѣжо и туманно *), не приходилось проводить большую часть дня на улицѣ, какъ то бывало прежде. Нѣкоторые изъ пріятелей уѣхали, другіе завелись барынями и стали жить домосѣдиѣ. Мне самому запала мысль обзавестись подругою; для того я началъ посѣщать маленькие театры, въ особенности бывшій въ то время, въ улицѣ de la Victoire противу дома шаниста Гейнриха Герца, театръ Chantegene. На этомъ театрѣ упражнялись молодые артисты и артистки, играли также любители и любительницы драматического искусства.

Нѣкоторыя пьесы шли очень не дурно. Я подмѣтилъ нѣсколько миловидныхъ артистокъ, и мы съ Теодоромъ пригласили ихъ къ себѣ. Чтобы насъ посѣщали еще охотнѣе, мы затѣяли вечера. Собирались около 8 часовъ вечера нѣсколько молоденькихъ актрисъ, а также нѣсколько соотечественниковъ и иностранцевъ. Общество было пріятное: пѣли, танцевали, потомъ подавали чай, пуншъ (легкій, разумѣется) и въ заключеніе большой сладкій пирогъ **). Все это было Теодоромъ ловко устроено,

*) На полѣ копіи рукой Глинки карандашомъ написано: «чего-то нѣть».

**) Въ копіи это слово, приписанное и въ оригиналѣ карандашомъ, пропущено. Рукою Кукольника написано: «Пирогъ, что-ли?» А рукою Глинки: «Дѣйствительно пирогъ».

веселились мило, а вечера стдили не много. Все должно было оканчиваться въ 11 часовъ. Если же танцы иногда продолжались позже, то не на долго, со всѣхъ этажей являлись кухарки (*les bonnes*) и жаловались, что безпокоять ихъ госпожъ, которые почти всегда ссылались одна на головную боль, другая на мигрень и т. п.

На одномъ изъ этихъ вечеровъ, послѣ нѣсколькихъ туровъ вальса съ одною изъ молодыхъ актрисъ, я почувствовалъ къ ней особенное влечение. Я сейчасъ началъ ухаживать за нею, бывалъ въ театрѣ *Chantegene* всякой разъ, когда играла Аделина, провожалъ ее до дому. Долгое время Аделина упорствовала и до такой степени, что я потерялъ надежду. Однако же около послѣднихъ чиселъ декабря дѣло уладилось.

Аделина была не красавица, но въ неопределѣленномъ выражении глазъ и въ улыбкѣ ея (особенное преимущество французенокъ) было много прелести. Она была хорошаго роста, имѣла талию прекрасную, одѣвалась со вкусомъ, а въ приемахъ и обращеніи ея было много достоинства. Ей было тогда около 22 лѣтъ, она жила съ малолѣтнею дочерью и матерью. Я перѣхалъ въ rue de Provence № 22 и скоро послѣ того приладился такъ, что постоянно обѣдалъ у Аделины, склонность къ которой не измѣнялась.

По утрамъ обыкновенно я занимался испанскимъ языкомъ, писалъ письма и пр., потомъ прогуливался, навѣщалъ знакомыхъ, послѣ чего обѣдалъ у Аделины. Послѣ обѣда бывали мы въ театрѣ или же я оставался у нея; топили каминъ и мы играли въ маленькую игру въ карты съ матерью ея и братьями.

Аделина продолжала упражняться въ драматическомъ искусстве и довольно успѣшно дебютировала въ театрѣ *Montmartre*. Я иногда училъ ее пѣнію; но наши занятія шли плохо, хотя она прежде того учились музыке у хорошаго maestro. Когда Аделина дебютировала въ театрѣ des Variétés, я былъ въ одной изъ ложъ театра вмѣстѣ съ ея матерью и братьями. Отъ робости ли или такъ, по привычкѣ, она пѣла такъ невѣрно, что сосѣди наши поминутно восклицали: «Ah ton Dieu, qu'est ce

*) Кукольникъ поправилъ: «сдѣлать глупость», съ такимъ комментариемъ: «ты, братъ, не глупъ, а глупость сдѣлать можетъ и мудрецъ».

qui'elle a donc cette femme!» Мы краснѣли, но дѣлать было нечего.

Зимою приѣхало много моихъ знакомыхъ соотечественниковъ. Между ними князь Василій Петр. Голицынъ (тотъ, у которого я живалъ на Черной рѣкѣ). Онъ и другіе пріятели и русскія барыни уговорили меня познакомить Парижъ съ моей музикой, и я по глупости *) согласился на то. Souza, у которого я бывалъ часто, узнавъ объ этомъ намѣреніи, предложилъ мнѣ свои услуги. Онъ познакомилъ меня съ Гекторомъ Берліозомъ, который въ то время помышлялъ о путешествіи въ Россію, надѣясь на обильную жатву не однихъ рукоплесканій, но и денегъ. Онъ обошелся со мною чрезвычайно ласково (чего не добьешься отъ большой части парижскихъ артистовъ, которые невыносимо надменны); я посѣщалъ его раза по три въ недѣлю, откровенно бесѣдую съ нимъ о музыкѣ и особенно объ его сочиненіяхъ, кои мнѣ нравились въ особенности въ фантастическомъ родѣ, какъ-то: Scherzo la reine Mabe изъ Ромео и Юліи, la marche des Pelerins изъ Harold, Dies irae и Tuba mihi спрагens sonum изъ его Requiem.

Я часто бывалъ у Souza; однажды я засталъ у него испанца лѣтъ 50-ти, по имени Don Santiago. Souza отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ честномъ и расторопномъ. Получивъ позволеніе отъ матушкиѣхъ въ Испанію, я попросилъ Don Santiago сопутствовать мнѣ, до времени же нашего отѣзда онъ состоялъ у меня въ качествѣ мажордома, живя особо; я платилъ ему за то 100 франковъ въ мѣсяцъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ Берліозъ далъ два концерта monstre въ циркѣ на Елисейскихъ поляхъ. Ему понравилась моя Лезгинка, которую я передѣлалъ на одинъ оркестръ. Сверхъ того, я съ Берліозомъ попросили г-жу Соловьеву (урожденную Verteuil, вышедшую замужъ за г-на Melchior), находившуюся тогда въ Парижѣ, спѣть каватину изъ оперы Жизнь за Царя: Въ поле чистое гляжу, на что она охотно согласилась.

Пошли репетиціи—тогда убѣдился я, что французы не могутъ похвалиться вниманіемъ и любятъ поболтать съ сосѣдями. Подмѣтилъ также, что иногда, особенно въ трудныхъ пассажахъ, прибѣгаютъ къ табакеркамъ и носовымъ платкамъ.

Въ этой невнимательности не менѣе того я убѣдился и въ

одномъ изъ концертовъ парижского консерваторія. Играли 6-ую симфонію Бетховена (*Symphonie pastorale*), исполненіе было превычурное, такъ что я симфоніи Бетховена не узналъ и тогда же сказалъ: «on n'a escuché la symphonie». Кромѣ того духовые иногда срывались, въ особенности волторны и кларнеты. Во время концерта Берліоза въ циркѣ Лезгинка моя не произвела желанного успѣха, ибо большая часть эффектовъ были разсчитаны мною на игру между двумя оркестрами, однимъ на сценѣ, состоявшимъ изъ духовыхъ, а другимъ ниже сцены (въ оркестрѣ), гдѣ преобладаютъ смычковые инструменты. У Берліоза всѣхъ музыкантовъ было до 150—следственно они были растянуты, отчего слушатель не могъ обнять цѣлаго, а до него доходили только звуки тѣхъ инструментовъ, которые находились поближе.

Соловьеву струсила, запнулась и растерялась; я же дать знаѣть, чтобы начали сначала; услышавъ ритурнельку, Соловьеву оправилась и хорошо пропѣла арію. Несмотря на это, арія также не произвела эффекта. Между прочимъ въ журналѣ *Chargravagî* сказано было объ этой каватинѣ, что въ ней слышна безпрестанно одна и та же нота (*on entend toujours la mème note*). Тогда я очень негодовалъ на это, но теперь вижу, что критикъ совершенно правъ: въ *Allegro* каватины «Тамъ за рѣчкой во слободкѣ», слишкомъ часто и рѣзко обозначается квинта главнаго тона, что очень національно, но утомительно единообразно.

Наступило время приготовленій къ концерту. Хлопотъ было множество; желая угодить на всѣ вкусы, я хотѣлъ, кромѣ пьесъ своего сочиненія, пригласить и другихъ артистовъ, изъ коихъ некоторые и согласились принять участіе. Вышла афишка самая пестрая. Тутъ была и увертюра «Семирамиды» Россини, и варьаціи на русскія темы, исполненная на скрипкѣ Гауманомъ, и еще какая-то пьеса для скрипки, имъ же исполненная; вот-лѣтийшимъ образомъ—игралъ двѣ пьесы собственнаго изданія мощный піанистъ Леопольдъ Мейеръ. Изъ моей музыки исполнили Krakovianka изъ «Жизни за Царя», Маршъ Черномора и вальсъ (*valse Fantaisie H-moll*), названный *Scherzo*. Соловьевѣ должна была исполнить каватину Людмилы и «Сомнѣніе»; но она занемогла и ее замѣнилъ очень опрятный теноръ Маггас, который спѣлъ итальянскій мой романсь: *il desiderio (ah se*

tu fossi mio) и una furtiva lagrima изъ *Elisir d'amore* Донидзетти.

Концертъ этотъ произведенъ былъ въ залѣ Герца въ апрѣль мѣсяцѣ (числа не упомню). Расходы были значительные и я заплатилъ 1500 фр. у князя Василия Петр. Голицына. Хотя концертъ этотъ данъ былъ въ пользу какого-то общества, но расходы были велики и вслѣдствіи мнѣ довелось заплатить к. Голицыну взятые у него въ заемъ деньги. Несмотря на это, во время концерта залъ былъ полонъ. Русскія дамы какъ будто сговорились украсть концертъ соотечественника; они явились въ великолѣпномъ убранствѣ, такъ что въ одномъ изъ журналовъ сказано было, говоря о моемъ концерте: *que c'était un parterre de fleurs.*

Аделина сидѣла въ 3-мъ ряду и, когда я приходилъ на сцену, чтобы аккомпанировать пѣвцу Маррасъ, она краснѣла отъ участія.

Естественно, что парижской публикѣ нельзя было познакомиться съ моимъ музыкальнымъ талантомъ по немногимъ пѣсамъ и къ тому не самымъ лучшимъ моего сочиненія, даннымъ въ концертѣ моемъ. Несмотря на это, я имѣлъ успѣхъ (*succès d'estime*). Во многихъ журналахъ писали обо мнѣ: редакторъ *Revue Britannique* написалъ обо мнѣ чрезвычайно милую статью, писалъ также Maurice Bourge и наконецъ Берліозъ написалъ огромную статью съ краткой біографіей моей подъ названіемъ *Michel Glinka* въ фельетонѣ *Journal des Débats*. Мельгуновъ доставилъ Берліозу нужныя свѣдѣнія для этой статьи. Она мною утрачена; желающіе прочесть могутъ ее отыскать въ фельетонѣ *Journal des Débats* въ апрѣль или маѣ 1845 г.*)

Я часто навѣщалъ Берліоза, его бесѣда была весьма занимательна, онъ говорилъ остро и даже зло (*mordant*); по возможности я содѣйствовалъ успѣшному его путешествію въ Россію.

ПЕРИОДЪ XII.

Путешествіе въ Испанію, пребываніе въ Испаніи и возвращеніе въ Россію.

1845 г. въ половинѣ мая по нашему стилю, я отправился въ Испанію съ *Don Santiago* и его девяти-лѣтнею дочкою по

*) Статья эта напечатана въ *Journal des Débats* отъ 16 апрѣля 1845. Другія статьи, упоминаемыя Глинкою, помѣщены: въ *Revue britannique* (т. 26, р. 459), въ *Illustration* (26 апрѣля), въ *Le monde musicale* (17 апрѣля), въ *Gazette musicale* (20 апрѣля) и др.

имени Rosario *). Пообѣдавъ у Аделины, я распостился съ нею съ слезами и въ нанятой коляскѣ отправился на желѣзную Орлеанскую дорогу. Изъ Орлеана на почтовыхъ въ З-ое сутокъ примчались мы въ По, гдѣ остались нѣсколько дней. Во время пути затерялся мой паспортъ. Don Santiago потерялъ голову, но я никакъ не хотѣлъ отстать отъ своего намѣренія быть въ Испаніи. Обратились мы съ Santiago къ меру тамошняго департамента; письма писанныя ко мнѣ, печать моя, статья Берліоза и наконецъ свидѣтельство случайно находившагося въ По актера, бывшаго въ Россіи, послужили основаніемъ для выдачи мнѣ временнаго паспорта. Въ то самое время, когда мнѣ начали изготавлять паспортъ и я уже заплатилъ по тамошнему узаконенію 10 фр. пошлины, вслѣдствіе сдѣланной Don Santiago публикаціи, мой паспортъ отыскался. Не медля, мы отправились изъ По въ дилижансѣ въ пограничной городокъ St. Jean pied de port, доѣхали до пограничной деревеньки, а оттуда дошли пѣшкомъ до испанской таможни Val carlos.

Я вступилъ въ Испанію 20 мая, въ самый день моего рожденія и былъ въ совершенномъ восторгѣ. Черезъ Пиренеиѣхали мы на трехъ мулахъ, навьюченныхъ нашими вещами. Первую ночь провели въ Ronces valles, на другой день буря и гроза настигла насъ верстахъ въ 6-ти отъ Памплоны, куда мы прибыли въ слѣдующій день по утру. Видъ Пиреней въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы черезъ нихъ проѣзжали, не столь живописенъ, какъ швейцарскіе Альпы. Въ Памплонаѣ я видѣлъ въ первый разъ испанскую пляску, второстепенными артистами исполненную. Изъ Памплоны въ дилижансѣ отправились мы въ Vittoria, оттуда перѣхавъ Ебро въ Miranda de Ebro, очутились мы въ ущеліи Pancorbo, это ущеліе носить чисто африканскій характеръ. Въ Бургосѣ осмотрѣли мы соборъ. Прибывъ въ Вальядолидъ, гдѣ рѣшились провести лѣто, мы поселились у сестры Don Santiago. Мнѣ отвели двѣ опрятныя комнаты. Я началъ продолжать изученіе испанскаго языка и въ короткое время началъ говорить свободно по-испански. Завелся лошадью и съ зятемъ Don Santiago єздилъ ежедневно верхомъ по окрестностямъ Вальядолида, которая не дурны. Возлѣ самаго города

---

*) Notre-Dame du rosaire.

место, называемое *Espolon viejo*, очень живописно; вдоль реки Pisuerga тянется роща изъ серебристыхъ тополей. На горахъ (*collines*), окружающихъ Вальядолидъ, вершины совершенно плоски (*rámos*) и покрыты ароматическими травами и растеніями, какъ-то: шалфеемъ, лавендой, *tomino* и пр.

По вечерамъ собирались у насъ соѣди, соѣдки и знакомые; пѣли, плясали и бесѣдовали. Между знакомыми сынъ одного тамошняго негоціанта, по имени *Felix Castilla*, бойко игралъ на гитарѣ, въ особенности арагонскую хоту, которую съ его вариаціями я удержалъ въ памяти и потомъ въ Мадридѣ въ сентябрѣ или октябрѣ того же года сдѣлалъ изъ нихъ пьесу подъ именемъ *Carriccio brillante*, которое впослѣдствіи, по совѣту князя Одоевскаго, назвалъ испанской увертюрой.

Въ августѣ я съ семействомъ *Don Santiago* отправился въ Сеговію, городъ примѣчательный по древнему водопроводу (аще дuc) и по дворцу *Alcazar*, въ которомъ кромѣ наружнаго вида примѣчательны плафоны. *Alcazar* служилъ прежде тюрьмою для государственныхъ преступниковъ, теперь же обращенъ въ артиллерійское училище. Возвратясь въ Вальядолидъ, мы прошли тамъ не долго. Въ первой половинѣ сентября отправились въ Мадридъ. Были мы также въ *S. Ildefonso* или *La granja*, видѣли тамъ садъ, оранжерей и въ особенности фонтаны, кои превосходны и вода кристально-чистая. Общаго же вида, какъ въ Петергофѣ, нѣть, а бывать фонтаны одинъ за другимъ.

Don Santiago взялъ съ собою дочку *Rosario* и племянницу *Mariquita*.

Нѣсколько дней послѣ приѣзда въ Мадридъ наняли мы маленькую, но уютную квартиру, купили опрятную мебель и поселились такъ, что и мнѣ и семейству *Don Santiago* было не дурно.

Квартира эта находилась въ самомъ центрѣ города, называемомъ *Puerta del sol*; это маленькая площадка, къ которой примыкаютъ 6 главныхъ улицъ.

Мадридъ съ первого раза мнѣ не понравился; узнавъ его впослѣдствіи я вѣрнѣе оцѣнилъ его. По прежнему я продолжалъ изучать испанскій языкъ и испанскую музыку. Для до-стиженія этой цѣли я началъ посѣщать драматический театръ *del Principe*, на которомъ *Romea* и жена его *Mathilde*

превосходно исполняли первые роли въ трагическомъ и комическомъ родѣ. Давали даже иногда драмы классическихъ авторовъ. Вскрѣ по приѣздѣ въ Мадридъ я принялъся за Хоту. Потомъ, окончивъ ее, внимательно изучалъ испанскую музыку, а именно напѣвы простолюдиновъ. Хаживаль ко мнѣ одинъ Zagal (погонщикъ моловъ при дилижансѣ *), пѣль народныхъ пѣсни, которая я старался уловить и положить на ноты. Двѣ Seguidillas manchega (airs de la mancha) мнѣ особенно понравились и впослѣдствіи послужили мнѣ для второй испанской увертюры. Пользуясь пріятною осеннею погодою, мы вдвоемъ съ Don Santiago отправились въ Aranjuez, гдѣ меня поразили аллеи изъ огромнѣйшихъ платановъ и пирамидальныхъ тополей, понравился мнѣ также маленький дворецъ (casa del labrador). Въ большомъ же дворцѣ фарфоровая и зеркальная залы произвели на меня не столько пріятныя впечатлѣнія.

Толедо едва ли не самый живописный городъ въ Испаніи, онъ весь почти сохранился, какъ былъ въ среднихъ вѣкахъ. Кроме собора (гдѣ я игралъ на органѣ) и другихъ архитектурныхъ монументовъ, самое мѣстоположеніе города весьма живописно.

Мы съ Don Santiago навѣстили также Escorial, который также въ первый разъ мнѣ не понравился.

Я усердно осматривалъ главныя примѣчательности Мадрида. Былъ на травлѣ быковъ; первое впечатлѣніе было какое-то дико-странные, но потомъ я привыкъ и впослѣдствіи находилъ захватывающій интересъ въ этой кровавой драмѣ, гдѣ каждый участующій находится въ безпрерывной опасности.

Музеумъ, т.-е. картинную галлерею постыдилъ я съ талантливымъ русскимъ архитекторомъ Бейне. Онъ путешествовалъ по Испаніи съ молодымъ англичаниномъ, также архитекторомъ. Бейне однажды въ бенефисъ тенора Guasco затащилъ меня въ театръ de la Cruz, гдѣ давали на мое горе Ernani—Verdi, и насильно продержалъ меня во все время представлений.

Въ театрѣ Circo давали балеты. Тамъ танцовщица Gui Stefani отлично (хотя вычурно) танцевала Olé и Jaleo de Xeres (Халео де-хересъ); музыка этой послѣдней пляски,

---

*) Испанскій дилижансъ отлично описанъ А. Дюма въ письмахъ его de Paris à Cadix.

хотя сочиненная дирижёромъ балетнаго оркестра (Скордополемъ, чехомъ), мнѣ понравилась и я сохранилъ ее въ памяти.

Gui-Stefani превосходно танцевала также Seguidillas *manchegas* въ костюмѣ испанскаго студента.

Послѣднюю часть осени я жилъ домосѣдомъ. Знакомая племянница Don Santiago, Ramona Gonsales, довольно миловидная девушка, часто бывала у насъ и я за ней волочился. Она познакомила меня съ молодымъ человѣкомъ Don Jos  Alvarez, игравшимъ хорошо на флейтѣ и страстно любившимъ музыку.

Я сдѣлалъ въ Мадридѣ нѣсколько знакомствъ; упомяну теперь о перчаточномъ фабрикантѣ Lafin, который поселился въ Мадридѣ. Сестра его madame Genissieux, у которой я постоянно покупалъ перчатки въ Парижѣ, дала мнѣ къ нему письмо. Письма рекомендательныя чрезвычайно уважаются въ Испаніи. Lafin во все время пребыванія моего въ Испаніи не переставалъ оказывать мнѣ услуги и ему я обязанъ многими пріятными минутами.

Въ концѣ ноября я съ семействомъ Don Santiago отправился въ Гранаду. Въ Мадридѣ было холодно, а во все время пути до самой Siegga тогена шелъ дождь. Самую живописную часть горъ, известныхъ подъ названіемъ Despina perros, проѣхали мы ночью. Когда мы достигли вершины хребта въ Santa Elena, мы были уже въ Андалузіи. Въ концѣ ноября тамъ было нѣсколько свѣжо, трава была совершенно зелена и вѣчно зеленые дубы заставляли забывать, что мы были въ зимнее время. По мѣрѣ того какъ мы спускались съ Sierra тогена, климатъ чувствительно становился мягче, а видъ природы пріятнѣе и вскорѣ мы были со всѣхъ сторонъ окружены оливковыми рощами; кое-гдѣ мелькали агавы, которыхъ тамъ употребляютъ, чтобы огораживать участки земель.

Въ Carolina (швейцарской колоніи, основанной Карломъ III), мы отлично позавтракали, ночью приѣхали въ Jaen (Хаэнъ), гдѣ насъ накормили плохо. Ночью и на другой день мыѣхали чрезъ пустынныя живописныя горы, потомъ вѣхали въ узкую долину, которая примыкала въ большой долинѣ называемой Vega di Granada.

Мы остановились въ одной изъ лучшихъ гостиницъ, гдѣ

квартира намъ уже была приготовлена докторомъ Jedor, къ которому знакомые Don Santiago писали изъ Мадрида. Вскорѣ по приѣздѣ нашемъ въ Гранаду явился къ намъ по рекомендаціи мадридскаго перчаточнаго фабриканта Lafin нѣсколько пожилой, но еще очень бодрый человѣкъ Don Francisco Вие-по у Могено. Онъ сначала былъ контрабандистъ, но нажилъ состояніе и рѣшился сдѣлаться честнымъ гражданиномъ. Онъ завелъ перчаточную фабрику и сверхъ того торговалъ кожами.

На другой или третій день онъ познакомилъ меня съ лучшимъ гитаристомъ въ Гранадѣ по имени Murgiano. Этотъ Murgiano былъ простой и безграмотный человѣкъ, онъ торговалъ виномъ въ собственномъ шинѣ. Играли же необыкновенно ловко и отчетливо; варьаціи на національный тамошній танецъ Fandango, имъ сочиненные и сыномъ его положенные на ноты, свидѣтельствовали о его музыкальномъ дарованіи.

Пробывъ нѣсколько дней въ гостинницѣ, мы перѣѣхали на квартиру; но она оказалась слишкомъ неудобною. Между тѣмъ мы узнали, что недалеко отъ Алгамбры можно на горѣ найти опрятный домикъ съ садикомъ и я рѣшился жить, такъ сказать, на дачѣ.

За 50 р. асс. въ мѣсяцъ мы наняли опрятный двухъ-этажный домикъ съ бельведеромъ; въ саду, расположенному террасами, было нѣсколько маленькихъ фонтановъ и бассейнъ въ видѣ огромной ванны. Были плодоносныя деревья, огромное апельсинное дерево и цвѣты въ продолженіи всей зимы, кото-рая съ 1845 на 1846 г. была такъ хороша и тепла, что, за исключеніемъ трехъ недѣль, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ мы ежедневно обѣдали въ саду и не рѣдко въ лѣтнихъ сюртукахъ. Don Santiago завелъ гусей, утокъ и другихъ домашнихъ животныхъ, которыхъ во время обѣда приходили къ намъ и ёли изъ рукъ нашихъ.

Не стану описывать Града-Алембру—все это уже известно.

По вечерамъ я спускался въ городъ, гдѣ проводилъ время пріятно у знакомыхъ Don Francisco. Пѣли, плясали и забавлялись различнымъ образомъ. Don Francisco познакомилъ меня съ барынями, гдѣ я завелъ пропажу или пристанище. Приѣхали Бейне съ Робинсономъ (если не ошибаюсь), англичаниномъ. Мы всесело проводили время въ пропажѣ. Я ходилъ въ Алгамбуру,

когда они рисовали, а они, въ свою очередь, навѣщали меня, а иногда завтракали и обѣдали у меня.

Don Francisco, по моему желанію, отыскалъ миловидную Андалузку, которая славилась пѣніемъ народныхъ пѣсень. Ей было лѣтъ 20; она была небольшого роста, интересной физіономіи, сложенія крѣпкаго. Ножка же ея была дѣтская, голосъ очень пріятный.

Не безъ хлопотъ и опасностей поладилъ я съ нею; наконецъ рѣшился вывезти ее въ Мадридъ, что также обошлось не безъ затрудненій. Во время пребыванія моего въ Гранадѣ, съ помощью Don Francisco и его сына я былъ свидѣтелемъ всѣхъ бывшихъ въ то время праздниковъ и домашнихъ увеселеній и обычаевъ. По ночамъ они мнѣ сопутствовали, потому что въ Гранадѣ въ то время было не совсѣмъ безопасно.

Встрѣтивъ однажды миловидную цыганку (Gitana), я спросилъ у нея, умѣеть ли она гѣть и плясать? Я получилъ утвердительный отвѣтъ и вслѣдствіе такового пригласилъ къ себѣ цыганку съ товарищами на вечеръ. Распоряжался Murgiano, онъ же игралъ на гитарѣ. Плясали двѣ молодыя цыганки и старый смуглый цыганъ, похожій на африканца—онъ плясалъ ловко, но слишкомъ непристойно.

Пробовалъ я самъ учиться танцевать у тамошняго танцовщика Pello; ноги повиновались, но съ кастаньетками я не могъ справиться.

Путешествіе изъ Гранады въ Мадридъ всегда останется въ памяти моей. Don Santiago съ семействомъ отправился особо, я же въ половинѣ марта съ Dolores Garcіа, моей пѣвуньей, поѣхали въ галерѣ. Этотъ экипажъ не даромъ названъ галерой; онъ въ родѣ большой жидовской фуры съ навѣсомъ, не помню, изъ вожи или холста; онъ весь наваленъ клажей, сверху которой полагаются матрацы пассажировъ, на которыхъ они сидѣть другъ противъ друга. Тѣснота такая, что нельзя пошевельнуться; противъ меня сидѣла огромная тучная баба, отъ которой въ короткое время ноги мои почувствовали невыносимую шыtkу. Ёхали шагомъ по 4 версты въ часъ, останавливались два раза въ сутки по 3 или 4 часа; ёхали или правильнѣе тащились по 7 и 8 часовъ безостановочно.

Я значительную часть пути прошелъ пѣшкомъ. По приѣздѣ въ Мадридъ вскорѣ отыскалась та же самая квартира, которую мы прежде занимали съ Don Santiago, я въ ней поселился съ Лолей (сокращеніе слова Dolores). Трудно мнѣ было съ моей подругой первое время; она часто бывала со мной у своихъ пріятельницъ гранадинокъ и нѣтъ сомнѣнія, что онѣ ее сбивали съ толку. Къ счастію всѣ онѣ выѣхали изъ Мадрида, тогда Лоля видимо измѣнилась и послѣднее время мы жили съ нею душа въ душу. Несмотря на это однажды я видѣлъ ясно, что изъ нея артистки никогда не выйдетъ и потому рѣшился отправить ее обратно къ матери, что и исполнилъ въ іюлѣ 1846 г.

Въ маѣ того же года Don Jos  Alvarez познакомилъ меня съ землякомъ своимъ Don Pedro Fernandes, который приѣхалъ изъ Паленсіи для усовершенствованія себя въ музыкѣ. Don Pedro изрѣдка навѣщалъ меня, когда еще была со мною Лоля. Когда же она уѣхала и онъ замѣтилъ, что я грустилъ, онъ сталъ ежедневно навѣщать меня и сопутствовалъ мнѣ въ моихъ прогулкахъ; преимущественно ходили мы гулять въ Retiro (Retraite), королевскій садъ. Въ концѣ іюня я съ Don Santiago отправился въ La Granja *) и Сеговію; я желалъ тамъ остаться на лѣто, но это оказалось неудобнымъ.

По возвращеніи въ Мадридъ я написалъ Don Pedro: онъ пришелъ ко мнѣ и узнавъ, что я желалъ поселиться вмѣстѣ съ нимъ и его товарищами, совѣтился, говоря, что они живутъ скучно. Я же настоялъ на своемъ и тотчасъ перѣхалъ къ доктору Don Pedro, который отдавалъ комнатки со столомъ и прислугою студентамъ и молодымъ чиновникамъ.

Всѣ они милые и образованные люди. Don Pedro твердилъ этюды Крамера подъ моимъ руководствомъ. Съ хозяиномъ нашимъ, другимъ Don Pedro, я читалъ Кальдерона, но не съ большимъ успѣхомъ; языкъ автора казался мнѣ очень труднымъ.

Музеумъ я знать наизусть; послѣ обѣда я вмѣстѣ съ товарищами ходилъ въ Прадо, по вечерамъ къ намъ собирались знакомые и сидѣли долго за полночь; до утренней зари я не рѣдко хаживалъ гулять за городъ; возвратясь около 8 часовъ утра, пилъ чай и ложился спать.

*) Въ копіи: «La Granja по-русски Ля-Гранха».

Въ августѣ я отправился въ Ескоріалъ, а чтобы не скучать тамъ, пригласилъ съ собою молодую, рослую и красивую Толеданку по имени Зефирина (Céfirina) съ спутницей. Несмотря на то, что дамы иногдассорились, я пріятно провелъ время въ Ескоріалѣ. Во время каникуль тамъ мы дышали чистымъ, свѣжимъ воздухомъ; прогулки пѣшкомъ и на ослахъ, театръ, а болѣе всего сокровища искусства, заключающіяся въ монастырѣ, очень пріятно занимали насъ во время нашего тамъ пребыванія.

Вскорѣ по возвращеніи въ Мадридъ, мы съ Don Pedro получили приглашеніе отъ старшаго брата Don José Alvarez навѣстить его въ Мурсіи, гдѣ въ сентябрѣ бываетъ ярмарка и затѣвался дѣтскій театръ.

Выѣхавъ изъ Мадрида въ послѣдніхъ числахъ августа, на другой день въ дилижансѣ мы прибыли въ Albacete, оттуда мы наняли тартану (экипажъ на двухъ колесахъ, безъ рессоръ, съ наивѣсомъ изъ холста) съ одной мулою и извощикомъ. Мы тащились медленно: первую ночь провели въ городкѣ Hellin (Елинъ), вторую въ Cieza, гдѣ уже появилась пальмы. На третій день, вскорѣ по выѣздѣ изъ Cieza, одинъ контрабандистъ попросилъ насъ довезти дѣвочку лѣтъ 10, до половины пути, на что мы согласились и хорошо сдѣлали. Мурсія страна очень живописная, но дороги въ то время были хуже нашихъ проселочныхъ, а такъ какъ долгое время шли проливные дожди, то дорога значительно испортилась. Въ одномъ мѣстѣ, не дѣважая Molina, накопилось воды въ болотномъ мѣстѣ столько, что тамъ вязли фуры съ товарами. Контрабандистъ нашъ былъ изъ Molina, онъ зналъ мѣстность; осмотрѣвъ хорошенъко и выбравъ лучшее для переправы мѣсто, перенесъ насъ черезъ воду на своихъ плечахъ, а потомъ помогъ извощику перетащить тартану.

Пообѣдавъ въ Molina мы продолжали путь, и вечеромъ того же дня прибыли въ Мурсію.

Don José Alvarez уже велѣлъ приготовить намъ квартиру у одного изъ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ. У насъ была огромная зала и по спальнѣ у каждого. Нашелся фортепьянъ, а такъ какъ чиновникъ, у котораго мы жили, былъ человѣкъ семейный, то были у него дочери, родственницы, а къ нимъ приходили ихъ знакомые. У насъ въ залѣ образовались сходки,

каждый вечеръ пѣли, играли на гитарѣ и плясали. Иногда плясали и въ наше отсутствіе. Не менѣе пріятно проводили мы время въ семействѣ Don José Alvarez, съ нимъ ъздили почти ежедневно въ большой тартанѣ по окрестностямъ. Близлежащія горы и Monte agudo красивой формы, покрытая кактусами, весьма живописна.

Мурсіа славится долиною (*huerta*); она имѣеть до 3-хъ или четырехъ верстъ въ ширину и до 60 или болѣе въ длину. Главное произведеніе—шелковичное дерево; кое-гдѣ группы финиковыхъ пальмъ, кои растутъ превосходно, лимонныя деревья и другія фруктовыя; по долинѣ разсыпаны живописныя хижины. Яркая зелень составляетъ пріятную противуположность съ близлежащими горами изъ розового гранита.

Дѣтскій театръ состоялъ въ томъ, что готовилась для потѣхи родителей «Норма» Беллини, долженствовавшая быть исполнена дѣтьми. Мы были на пробѣ, и дѣйствительно дѣти пѣли не дурно, а Норма 11-ти лѣтъ пѣла хотя не совсѣмъ удовлетворительно, но съ увлеченіемъ и превосходно играла. Во время ярмарки многія барыни и барышни носили живописныя національныя платья. Тамошніе цыгане красивѣе и богаче, нежели въ Гранадѣ—они три раза плясали для насть; одна 9-ти-лѣтняя цыганка плясала особенно хорошо.

1-го октября мы отправились изъ Мурсіи обратно въ Мадридъ въ тартанѣ, запряженной огромной мулою. Заѣхали въ Orihuela, потомъ Elche, окруженный пальмовыми рощами; оттуда чрезъ Aspe, Novelda, Elda Villina въ Almansa. Эти мѣста принадлежать королевству Валенціи (*regno di Valencia*) и очень живописно разнообразны.

Тартана меня измучила и я хотѣлъ отпустить извоница съ мулою; но не могъ найти удобнаго мѣста въ дилижансѣ, потому что со всѣхъ сторонъ Испаніи публика стремилась въ Мадридъ по случаю бракосочетанія королевы и сестры ея. Надѣжало продолжать путь въ тартанѣ; измученный я доѣхалъ въ Мадридъ въ время. Тамъ поселились мы у одной андалузки изъ Севильи; она была женщина пожилая, но ласковая и привѣтливая, у ней была миловидная дочка лѣтъ 19 и сынъ лѣтъ 20. Кромѣ насть былъ еще жилецъ, адвокатъ изъ Тарифа.

Мы видѣли празднества по случаю бракосочетанія воро-

левы и сестры ея, а именно: поездъ изъ дворца въ Аточу (монастырь), гдѣ происходило вѣнчаніе и куда намъ попасть было невозможно; танцы на площадахъ на устроенныхъ для того подмосткахъ; травлю быковъ на plaza шауг; наконецъ фейерверкъ и иллюминированный Pgado разноцвѣтными шкаликами.

Осень была холодная и въ ноябрѣ я переехалъ въ *Parador de las diligencias* въ улицу *Alcolà*, оттуда въ концѣ того же ноября отправился я съ *Don Pedro* въ Севилью. Мы остались въ Кордовѣ слишкомъ сутки, осмотрѣли Мескиту, обращенную въ *Catedral* и сдѣлали нѣсколько знакомствъ; отъ одного изъ нихъ получили рекомендательное письмо въ Севилью. Прибывть въ Севилью, мы сперва пристали въ *Fonda de Europa*, потомъ попробовали жить въ *casa de huéspedes (en pension)*, что однажды оказалось неудобнымъ и мы со временемъ наняли цѣлый домикъ для насъ однихъ въ *Calle de la gravetta*.

Вскорѣ по приѣздѣ нашлись старые знакомые *Don Pedro* и мы, по рекомендательному письму и по слухаю, приобрѣли нѣсколько пріятныхъ знакомствъ. Сейчасъ доставили намъ случай видѣть пласку, исполненную лучшими танцовщицами. Между ними *Anita* была необыкновенно хороша и увлекательна, въ особенности въ цыганскихъ танцахъ, равно какъ и въ *Olé*. Мы пріятно провели зиму съ 1846 на 1847 г., посѣщали танцевальные вечера у *Феликса* и *Мигеля*, гдѣ во время танцевъ лучшіе тамошніе національные пѣвцы заливались въ восточномъ родѣ, между тѣмъ танцовщицы ловко выплясывали и казалось, что слышались 3 разныхъ ритма: пѣніе шло само по себѣ, гитара отдельно, а танцовщица ударяла въ ладони и приступала ногой, казалось, совсѣмъ отдельно отъ музыки.

Знаменитый, хотя устарѣвшій національный пѣвецъ, *Pla-neta* былъ и пѣль у насъ; его же племянникъ *Lasaro* бывалъ у насъ часто. Почти каждый вечеръ собирались у насъ знакомые и барышни. Одна мнѣ приглянулась и я попробовалъ-было съ нею то, что называются въ Севильи *pelar la rava* (бесѣдовать по ночамъ чрезъ рѣшотку окна), но безъ успѣха; я вознаграждалъ неудачи съ неутѣшной вдовой изъ Кордовы.

Весною я завелъ птицъ; ихъ было до четырнадцати; онѣ летали въ нарочно отведенной имъ комнатѣ.

Вдоль Гвадалквивира отъ дворца *Sant Elmo*, тянутся сады
„РУССКАЯ СТАРИНА“, № 10, 1870. Т. II.

апельсинные; въ февралѣ, когда плоды созреваютъ, видъ превосходный; впрочемъ эти тонкокожіе апельсины и чрезвычайно вкусны. Весною приѣхалъ въ Севилью известный скрипачъ Олебуль; онъ дѣйствительно игралъ сильно и чрезвычайно отчетливо; но какъ большая часть виртуозовъ, не слишкомъ былъ силенъ въ музыкѣ. Онъ пробылъ въ Севильи около шести недѣль; я съ нимъ сблизился до некоторой степени и онъ часто бывалъ у меня.

Весною же Don Pedro и еще другой пріятель Pere Alebes (Labrador) устроили вечеръ съ цыганками, которая хотя были безобразны, но плясали отлично.

Въ началѣ мая мы выѣхали изъ Севильи съ сожалѣніемъ. Пріятели были очень огорчены нашимъ отѣздомъ, кухарка наша, старушка 55 лѣтъ, добрая Mariquita разсталась съ нами со слезами. Время было жаркое; первые перегоны часто, по бокамъ дороги, мелькали ряды agaves; многія изъ нихъ должны были цвѣсти въ теченіи лѣта и уже видны были зеленые штамбы въ сажень и болѣе.

Въ Мадридѣ мы поселились въ *Parador de las diligencias*. Пробывъ тамъ недѣли три, отправились мы въ обратный путь.

Между знакомыми въ Мадридѣ упомяну я о фортепьянистѣ Маріи Кристины Don Juan Guelbenza, его пріятелѣ Zabalburi и его ученицѣ Sofia Vela; она владѣла отличнымъ контральто и была весьма хорошая музыкантша.

Мы пробыли нѣсколько дней въ Zaragoza, оттуда чрезъ Tudela въ Шампелону. Переѣхавъ чрезъ Пиренеи на лошадяхъ верхомъ, мы на По и Тулузу отправились въ Парижъ, гдѣ пробыли около трехъ недѣль. За нѣсколько дней до нашего отѣзда пришелъ ко мнѣ путей сообщенія полковникъ Комаровъ съ поклономъ отъ Петра Степанова, который былъ тогда въ Киссингенѣ и желалъ видѣться со мною.

Мы рѣшилиѣ хать вмѣстѣ и отправились втроемъ въ Кельнъ, оттуда по Рейну до Бибериха, потомъ во Франкфуртъ, а изъ Франкфурта въ Киссингенъ. Степановъ мнѣ былъ очень радъ и сообщилъ мнѣ, что бывшая жена моя (о расторженіи моего брака съ Марьей Петровной увѣдомили меня въ Севильи) по смерти Васильчикова получила богатое наслѣдство; это известіе

меня порадовало. Хотя я не любилъ Марью Петровну, но признаюсь, мнѣ бы больно было видѣть ее въ нищетѣ.

Въ бытность мою въ Киссингенѣ въ іюль 1847 г., я имѣлъ счастіе представляться государю цесаревичу, нынѣ благополучно царствующему государю императору Александру Николаевичу, который обошелся со мною очень ласково и представилъ меня супругѣ своей.

Изъ Киссингена отправился я съ Don Pedro въ Регенсбургъ, а оттуда по Дунаю въ Вѣну, гдѣ совѣтничили нашего посольства, Фонтонъ, и секретарь Убри насъ угожали радушно. По совѣту Фонтона мы отправились въ Варшаву, гдѣ мы нашли старую карету для путешествія, по распоряженію Фонтона же.

Въ Варшавѣ мы пробыли дней 6, которые я провелъ очень весело, благодаря обязательному расположенню Н. А. Новосельского. Предъ отѣзломъ я представлялся князю Варшавскому и у него обѣдалъ.

ПЕРИОДЪ XIII.

Пребываніе въ деревнѣ, Смоленскѣ, Варшавѣ и Петербургѣ.

Я съ Don Pedro приѣхалъ въ Новоспасское въ концѣ іюля. Младшая сестра моя, Ольга Ивановна, была помолвлена за молодого лейбъ-гвардіи уланскаго полка ротмистра Измайлова.

Матушка была здорова, но видѣла очень плохо; несмотря на то, жилось сначала весело. Собирались ближайшія родственницы и родственники, мы ъздили верхомъ и въ экипажахъ, гуляли и забавлялись.

Я прибылъ въ Новоспасское въ добромъ здоровыи, но скоро началъ чувствовать, что аппетитъ и сонъ начали исчезать. Желая поддержать себя, я для гимнастики началъ маленькимъ топоромъ рубить лишнія липы, коихъ было множество, чтобы дать просторъ дубамъ, вязамъ и другимъ деревьямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что я надсадилъ себя; я началъ чувствовать болѣзньенное ощущеніе въ брюхѣ. 1-го сентября у меня сдѣлалось сильное первое раздраженіе. Несмотря на это, въ началѣ сентября я навѣстилъ ближайшихъ моихъ родственниковъ. На обратномъ пути это первое раздраженіе желудка усилилось, невыносимо мучительное замираніе въ брюхѣ съ страхомъ смерти терзало меня, какъ въ Венеціи въ 1833 году.

Я рѣшился, не дожидаясь сватбы сестры Ольги, отправиться въ Петербургъ и ввѣрить себя доктору Гейденрейху.

Когда изъ Смоленска я уѣзжалъ, снова раздражились нервы и такъ сильно, что я принужденъ былъ возвратиться и по томъ остаться въ Смоленскѣ. Я не могъ быть на сватьбѣ сестры. Въ октябрѣ матушка и новобрачные приѣхали на время въ Смоленскъ. Съ самаго того времени, какъ я рѣшился остаться въ Смоленскѣ, тамошній жандармскій полковникъ Романусъ далъ мнѣ на время свой рояль. Я, въ знакъ признательности, посвятилъ ему двѣ фортепьянныя, въ то время написанныя, пьесы: *Souvenir d'une mazurka* и *la Barcarole*, изданныя впослѣдствіи подъ названіемъ Привѣтъ отчизнѣ. Тогда же въ отсутствіе Pedro, оставшись одинъ въ сумерки, я почувствовалъ такую глубочайшую тоску, что рыдая молился умственно и выимпровизировалъ Молитву безъ словъ для фортепьяно, которую посвятилъ Don Pedro. Къ этой молитвѣ подошли слова Лермонтова: Въ минуту жизни трудную.

Мы жили въ домѣ родственниковъ Ушакова и для дочери его я написалъ варьаціи на Шотландскую тему. Для сестры Людмилы романсь *Милочка*, котораго мелодія взята мною изъ Хоты, которую я часто слышала въ Вальядолидѣ.

Въ ноябрѣ матушка отправилась въ Петербургъ; сестра Людмила, по искренней своей дружбѣ ко мнѣ, рѣшилась провести со мною въ Смоленскѣ часть зимы. Въ ноябрѣ она, я и Don Pedro перѣехали въ домъ Соколова у Никольскихъ воротъ. Мы жили съ сестрой душа въ душу и, несмотря на мои страданія, намъ было хорошо вмѣстѣ.

Я сидѣлъ безвыходно дома; утромъ сочинялъ; кроме означенныхъ уже пьесъ написалъ романсь: *Ты скоро меня позабудешь*. Pedro игралъ и твердилъ *Gradus ad Parnassum Clementi*, подъ моимъ руководствомъ. Сестра читала мнѣ по-русски и по-французски, а Pedro по-испански; по вечерамъ приходило нѣсколько знакомыхъ и составлялся кружокъ милыхъ и искренно любившихъ насъ пріятелей. Упомяну о докторѣ Строгоновѣ, лечившемъ меня, и о старомъ пріятель аптекарѣ Мего. Они часто играли съ сестрою въ преферансъ, который забавлялъ меня не рѣдко. Сестра играла скоро, Строгоновъ ловко, а Мего съ неподражаемымъ флегматическимъ тономъ, весьма часто долго,

долго соображалъ, прикупать ли ему или нѣтъ и по большей части послѣ долгаго размышенія оканчивалъ словами: пасъ.

Кромѣ этихъ постоянныхъ посѣтителей бывали и другіе посѣтители; назову здѣсь родственниковъ мужа сестры Людмилы, Шестаковыхъ, съ коими мы видѣлись не рѣдко. Молодая, миловидная и веселенькая барынька, дальняя намъ родственница Е. П. Забѣлла, охотно навѣщала меня.

Наша тихая и домосѣдная жизнь продолжалась до 23 января 1848 г. Дядя зятя моего Измайлова захотѣлъ непремѣнно дать мнѣ обѣдъ, безъ всякаго сомнѣнія для того, чтобы поважничать и выставить себя моимъ покровителемъ. Несмотря на мое сопротивленіе, обѣдъ состоялся. Распорядителями были комендантъ Липарскій и Гольцевъ, дядя Измайлова. Меня встрѣтили въ залѣ дворянскаго смоленскаго собранія смоленскіе сановники, предводитель и главные старшіе чиновники подъ звуки оркестра, игравшаго польскій изъ «Жизни за Царя». За обѣдомъ посадили меня на главное мѣсто между губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ. Обѣдъ былъ дѣйствительно великолѣпный. Онъ подробно описанъ полковникомъ Романусомъ въ «Сѣверной Пчелѣ» того же года *).

Чтобы отблагодарить за честь вслѣдствіе этого обѣда, я былъ вынужденъ отказаться отъ тихой домашней жизни. Всякій день я былъ на балахъ и вечерахъ и неоднократно долженъ былъ потѣшать публику пѣніемъ и игрою на фортепьяно. Эта суматошная жизнь еще болѣе раздражила мои нервы, я впалъ въ дикое отчаяніе и упросилъ сестру выпроводить меня въ Варшаву. Сестра увѣдомила матушку о моемъ намѣреніи; когда матушка возвратилась, несмотря на февральскія события въ Парижѣ, я хотѣлъѣхать за границу и подалъ прошеніе о паспортѣ. Въ началѣ марта я отправился въ Варшаву съ Don Pedro и затемъ моимъ 'Василіемъ Илларіоновичемъ Шестаковымъ, который по дружбѣ своей взялся мнѣ сопутствовать. Мы приѣхали въ Варшаву благополучно. Братецъ Василій Илларіоновичъ уѣхалъ, мнѣ въ паспортѣ отказали. Однажды, ища квартиры, я и Pedro повстрѣчали князя Паскевича, который уѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи казаковъ. Увидя его, я снялъ шляпу, Pedro же,

*) «Сѣверная Пчела» 1848 г. 12 февраля. Четвергъ. № 34.

незнавшій князя, смотрѣль на него и остался въ фуражкѣ, чтѣ замѣтія свѣтлѣйшій наскакалъ на насть съ бѣшенствомъ и едва не сшибъ меня съ ногъ. Это меня взбѣсило и я, помнится, хотѣлъ уѣхать изъ Варшавы, но какъ-то дѣло обошлось; притомъ же я занемогъ. Бывшій въ то время добрый мой знакомый Кастріото-Скандербегъ, хороший музыкантъ, познакомилъ меня съ докторомъ Морицомъ Вольфомъ, съ которыемъ я очень сблизился впослѣдствіи и который постоянно былъ моимъ докторомъ въ Варшавѣ.

Кастріото былъ женатъ на дочери банкира Коньяръ, онъ познакомилъ меня съ семействомъ жены своей. Дѣвица Екатерина М. Коньяръ пѣла съ большими увлеченіемъ и я не рѣдко въ началѣ весны проводилъ у нихъ пріятные вечера.

Мы наняли квартиру на Рымарской улицѣ; половину лишней комнаты отдѣлили перегородкой съ сѣткой, гдѣ завели птицъ. Были соловьи, варакушка, горлохвостка и другія до 16 *).

Хотя весна была ранняя, но недугъ ваялъ свое и я оправился, и то несовершенно, въ исходѣ мая.

Между тѣмъ еще весною князь Паскевичъ, узнавъ, что онъ наскакалъ на меня и желая загладить это, нерѣдко приглашалъ меня къ себѣ на обѣдъ и принималъ меня необыкновенно ласково, сажалъ за столомъ подлѣ себя и самъ угождалъ меня виномъ, особенно кахетинскимъ, которое я очень люблю.

По просьбѣ князя я иногда занимался его оркестромъ; онъ былъ не совсѣмъ хороши, но для меня это было все-таки полезно. Я далъ Паленсу капельмейстеру Jaleo (Халео), музыка эта очень нравилась свѣтлѣйшему и онъ приказывалъ часто ее играть въ присутствіи гостей и потомъ по приказанію князя танецъ Jaleo **) подъ эту музыку поставили на варшавскомъ театрѣ. Для этого же оркестра Паленсъ сократилъ Хоту, наименствовалъ по моему указанію молитву съ тромбономъ obligato и она была не безъ-эффектна. Разучили польскій изъ «Жизни за Царя» съ хоромъ, а также знаменитый хоръ изъ «Ифигеніи»

*) Въ копії рукою Глинки: «юла также, по-французски alouette lulu—милая птичка».

**) На погѣ рукою Глинки карандашомъ: «Jaleo de Xeres—по-русски Халео де-Хересъ».

въ Тавридѣ Глюка «Les fureurs d'Oreste» *). Такимъ образомъ музыку Глюка въ исполненіи я услышалъ первый разъ въ Варшавѣ и съ тѣхъ поръ началъ изучать его музыку. Тогда же я написалъ изъ 4-хъ испанскихъ мелодій Potpourri на оркестръ, названный мною тогда Recuerdos de Castilla (воспоминаніе о Кастиліи). Оркестръ князя исполнялъ недурно эту пьесу. Неоднократныи мои покушенія сдѣлать что-нибудь изъ андалузскихъ мелодій остались безъ всякаго успѣха—большая часть изъ нихъ основана на восточной гаммѣ, вовсе не похожей на нашу.

Н. А. Новосельскій, постоянно окружавшій меня вниманіемъ, старался по возможности сдѣлать пріятнымъ для меня пребываніе въ Варшавѣ. По его просьбѣ я началъ учить пѣнію П. Конарскую. Она приходила ко мнѣ три раза въ недѣлю и начала пѣть не дурно; ея голосъ (сопрано) былъ пріятенъ, но нѣсколько утомленъ и иногда срывался.

Когда я уже нѣсколько оправился, въ іюнѣ 1848 г. мнѣ притянулась въ одной Каварнѣ (Kawiarnia, café) статная и довольно миловидная девушка по имени Аньеля (Angélique). Я сманилъ ее къ себѣ и она жила у меня въ качествѣ хозяйки. Такъ какъ она была ловка, весела и расторопна, то жилось очень хорошо.

Осенью въ сентябрѣ появилась холера въ Варшавѣ; изъ предосторожности я не выходилъ изъ комнаты тѣмъ болѣе, что мимо нашего дома на Рымарской улицѣ ежедневно провожали много похоронъ. Сидя дома, я принялъ за дѣло, написать романсы: Слышу ли голосъ твой, слова Лермонтова; Заздравный кубокъ Пушкина, который посвятилъ вдовѣ Клико и Маргериту изъ «Фауста» Гёте, переведенный Губеромъ. Стихи для этихъ романсовъ указалъ мнѣ, бывшій тогда цензоромъ въ Варшавѣ, П. П. Дубровскій. Я познакомился съ нимъ еще въ 1847 году въ проѣздѣ мой чрезъ Варшаву. Въ 1848 г. онъ постоянно наѣзжалъ меня и съ свойственною ему услужливостью сопутствовалъ мнѣ часто въ прогулкахъ; очень часто онъ читалъ мнѣ и мы прочли съ нимъ большую часть русскихъ писателей и другихъ авторовъ, въ особенности Шекспира.

*) Въ копії рукою Глинки карандашомъ: «Вотъ образцовое произведение!»

Въ то время случайно я нашелъ сближеніе между свадебной пѣснью: «Изъ за горъ, горъ высокихъ горъ»,

Изъ за горъ горъ вы - со - кихъ горъ.

которую я слышалъ и деревенской и плясовою камаринскою, всѣмъ извѣстною. И вдругъ фантазія моя разыгралась и я вмѣсто фортепьяно написалъ эту пьесу на оркестръ подъ именемъ свадебная и плясовая. Могу увѣрить, что я руководствовался при сочиненіи этой пьесы единственно внутреннимъ музыкальнымъ чувствомъ, не думая ни о томъ что происходит на свадьбахъ, какъ гуляетъ нашъ православный народъ и какъ можетъ запоздалый пьяный стучать въ дверь, чтобы ему отворили. Несмотря на это О. М. Толстой (Ростиславъ) на репетиції Камаринской (какъ я впослѣдствіи, по совѣту князя Одоевскаго, назвалъ эту пьесу) самъ говорилъ мнѣ, что онъ, объясняя государынѣ императрицѣ (нынѣ вдовствующей) Александрѣ Феодоровнѣ мою камаринскую, въ послѣдней части этой пьесы, а именно, гдѣ сперва волторны держать педаль на Fis, а потомъ трубы на C, сказалъ ея величеству, что это мѣсто изображаетъ, какъ пьяный стучится въ дверь избы. Это соображеніе мнѣ кажется пріятельскимъ угощеніемъ, которымъ не разъ потчуютъ въ жизни.

По вечерамъ приходили знакомые, — съ чаемъ подавали гостямъ пуншъ, чтобы согрѣвать желудокъ; я ограничивался теплымъ краснымъ виномъ съ лимонной коркой и сахаромъ; для той же цѣли (т.-е. чтобы согрѣть желудокъ) затѣвались танцы. Аньеля танцевала превосходно, а если нужны были другія пары, то двѣ довольно молодыя польки, кухарка и горничная (*młodsza*) плясали также. Кромѣ птицъ, летавшихъ въ ближней комнатѣ за сѣткой, въ залѣ бѣгали два ручныхъ зайца и барабанили иногда по ногамъ гостей.

Это пріятное житѣе продолжалось до конца октября. Аньеля начала важничать и мы потомъ поссорились. Тогда, чтобы не скучать дома, Новосельскій доставилъ мнѣ нѣсколько пріятныхъ знакомствъ. Назову семейство доктора Грюнбергъ; его дочери были очень любезны и талантливы; старшая, по имени Юли, играла весьма хорошо на фортепьяно; она училась у Гензельга

на выживение великой княгини Елены Павловны. Младшая Изабелла поглощалась увлечением и смысломъ (intelligence). У нихъ я проводилъ пріятные вечера, равно какъ у знакомыхъ ихъ Александровичей.

Въ ноябрѣ погода стояла еще пріятная и узнавъ, что матушка была въ Петербургѣ, я рѣшился тудаѣхать для свиданія съ нею.

Новосельскій съ свойственною ему услужливостью досталъ мнѣ карету. Несмотря ни на то, что Двина была уже покрыта шедшимъ льдомъ, ни на снѣгъ, выпавшій на разстояніи 300 верстъ отъ Петербурга, мы съ Don Pedro доѣхали благополучно въ половинѣ ноября, по нашему стилю.

Отдохнувъ нѣсколько дній, я навѣстилъ моихъ знакомыхъ и былъ на имянинахъ Екатерины М. Коньяръ, семейство коихъ и Кастріото было тогда въ Петербургѣ. Въ концѣ ноября я захворалъ и поселился на время болѣзни, чтобы не разлучаться съ матушкой, у зятя моего В. И. Флѣри, у Краснаго моста въ училищѣ глухонѣмыхъ. Тамъ была сестра Ольга съ мужемъ и Марія съ дѣтьми. Жили въ тѣснотѣ, но мнѣ было пріятно, несмотря на недугъ. Во время выздоровленія въ началѣ 1849 г. я былъ на вечерѣ, устроенному княземъ П. А. Вяземскимъ по случаю 50-лѣтней дѣятельности В. А. Жуковскаго на его литературномъ поприщѣ. Блудовъ читалъ стихи князя Вяземскаго по этому случаю, мы пѣли также хоръ въ честь Жуковскаго, сочиненный графомъ Мих. Юр. Віельгорскимъ. На этомъ вечерѣ присутствовалъ также государь императоръ Александръ Николаевичъ (бывшій тогда цесаревичемъ) и я имѣлъ счастіе быть имъ замѣченнымъ и почтенными ласковыми распросами обо мнѣ.

Зимою съ 1848 на 1849 г. Фрецдолини желала взять мою оперу: Жизнь за Царя въ свой бенефисъ. Она сама сдѣлала мнѣ первый визитъ и привезла билетъ на свой бенефисъ. Опера моя не была дана итальянцами, потому что публика была недовольна отъ неудачныхъ попытокъ русскихъ композиторовъ и жестоко раздражена послѣ великоглѣпной неудачи (*fiasco*) оперы *il Berichio di Parigi* ..... Вышло высочайшее повелѣніе не принимать на итальянскій театръ произведеній русскихъ композиторовъ. *Gloire à M-г.....!* (Рукою Глинки нарис. кошачья голова).

Князь Одоевскій пригласилъ меня къ себѣ на вечеръ и мно-

гихъ общихъ знакомыхъ — на этомъ вечерѣ по совѣту князя я назвалъ Хоту испанской увертюрой, а свадебную и плясовую Камаринской.

Весною я познакомился съ Владимиромъ Вас. Стасовымъ, весьма основательнымъ музыкантомъ, любителемъ изящныхъ искусствъ и весьма образованнымъ человѣкомъ. При немъ я пробовалъ сдѣлать музыку на слова Ободовскаго: Палермо (написанныя въ воспоминаніе пребыванія императрицы Александры Феодоровны въ Палермо), но не успѣлъ и взять слова съ собою въ Варшаву.

Гейденрейхъ отлично меня поставилъ на ноги и очень ранней весной я началъ выѣзжать, и большою частю съ Новосельскимъ, возвратившимся изъ Варшавы зимою. Онъ познакомилъ меня съ молодыми людьми и литераторами юнаго поколѣнія — къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ нихъ довели себя до бѣды въ теченіе того же 1849 года.

Весною я рѣшился отправиться снова въ Варшаву, тѣмъ болѣе, что получилъ письма, на основаніи которыхъ могъ ожидать много пріятнаго. Выѣхавъ изъ Петербурга 9 мая по нашему стилю, мы путешествовали на почтовыхъ въ каретѣ самымъ пріятнымъ образомъ; погода была превосходная, нѣжная весенняя зелень, пѣніе птицъ, все располагало душу къ радости; перѣхавъ же Нѣманъ въ Ковно видъ природы сдѣлался совершенно праздничнымъ.

ПЕРИОДЪ XIV.

Вторичное пребываніе въ Варшавѣ и въ Петербургѣ.

По приѣздѣ въ Варшаву вскорѣ увидѣлъ я, что ошибся въ разсчетѣ. Занявъ квартиру въ Недалой улицѣ одного отсутствовавшаго полковника, я малу по малу началь чувствовать нападеніе хандры. Одною стороною въ квартирѣ нашей окончи выходили на Саксонскій садъ; густые тополи (не пирамидальные) въ дурную погоду заслоняли свѣтъ и шумомъ вѣтвей и листьевъ во время вѣтра наводили уныніе на душу. Въ свитѣ е. и. величества, находившейся въ то время въ Варшавѣ, было нѣсколько короткихъ моихъ знакомыхъ и однокашниковъ; иногда я кутилъ съ ними *) и другими знакомыми. Главныя сборища

*) «Что весьма не умно!» рукою Глинки въ копіи карандашомъ.

были у меня и у пансионского моего товарища, генерала А. Н. Астафьева. Видался я также иногда и съ княземъ Мих. Д. Волконскимъ.

Несмотря на то, что иногда удавалось мнѣ проводить время пріятно, эта разсѣянная жизнь меня искренно не радовала и не наводила меня на музыкальная вдохновенія. Музыкальная глубокія наслажденія въ теченіи лѣта 1849 г. ощущалъ отъ игры на органѣ въ евангелической церкви, органиста Фрейера. Онъ превосходно исполнялъ пьесы Баха, отчетливо дѣйствовалъ ногами и органъ его былъ такъ хорошо настроенъ, что въ нѣкоторыхъ пьесахъ, а именно въ фугѣ В. А. С. Н и токкатѣ

F-dur онъ доводилъ меня до слезъ.

Наконецъ хандра въ концѣ лѣта довела меня до жесточайшей апатіи и большую часть дня я проводилъ дома, лежа на диванѣ. Въ то время возлѣ самой Варшавы стоялъ гусарский полкъ его и. высочества в. к. Михаила Павловича. Одинъ изъ полковниковъ этого полка, землякъ мой и тѣзка Михаиль Ивановичъ Кубаровскій, съ которымъ я иногда встрѣчался въ обществѣ, заѣхавъ ко мнѣ, уговорилъ меня навѣстить его. Не знаю какъ, вопреки апатіи, онъ увезъ меня; сперва посѣтили мы нѣсколькихъ нашихъ общихъ знакомыхъ, а потомъ въ 1-мъ часу ночи постучали въ заведеніе Ома (оно всѣмъ бывшимъ въ Варшавѣ очень извѣстно) и такъ какъ намъ не отпирали, то мы перелѣзли черезъ заборъ, и, выпивъ тамъ шампанского, отправились на квартиру Кубаровскаго. Онъ квартировалъ вмѣстѣ съ полкомъ и товарищами въ домикахъ съ садиками, отстоявшими въ полу-верстѣ отъ заведенія Ома (Оѣт).

Кубаровскій отвелъ мнѣ на своей квартирѣ комнатку и на другой день, напившись чаю и одѣвшись, мы отправились пѣшкомъ съ нѣсколькими товарищами Кубаровскаго въ Ому. Погода была превосходная (августъ и сентябрь въ Варшавѣ и Парижѣ безспорно лучшее время года), заведеніе Ома съ его довольно большимъ и довольно хорошимъ садомъ, прекрасной залой, гдѣ стоялъ не совсѣмъ дурной рояль и резонансъ былъ превосходный, опрятная кухня и хороший погребъ доставляли желающимъ всѣ способы для пріятнаго препровожденія времени.

Сверхъ того въ заведеніи были двѣ дочки хозяина, старшая Розамунда, сокращенно Рузя, нравилась всѣмъ красивымъ лицомъ, а инымъ дородствомъ; за ней ухаживала большая часть посѣтителей. Вторая дочка (меньшая была въ пансионѣ) по имени Эмилія, сокращенно Миця, была маленькая, стройненькая, живая и вострая (воструха) дѣвочка. Мое пѣніе произвело фуроръ, какъ на гусаровъ, такъ и на семейство хозяина заведенія. Большую часть всего времени, которое я пробылъ у Кубаровскаго, я часто бывалъ и иногда и обѣдалъ у Ома. Вглядываясь въ живую, миловидную Эмилію, невольно сближался съ нею. Въ это же пребываніе у Кубаровскаго, онъ предложилъ мнѣ романъ Мицкевича Rozmowa; Миця презабавно учила меня читать и произносить его, а я училъ ее нѣсколько на фортепианѣ и пѣнію. Возвратясь въ Варшаву, я не долго тамъ оставался и снова приѣхалъ къ Кубаровскому. Мало по малу мы съ Мицей подружились и когда полкъ гусарскій, въ которомъ служилъ Кубаровскій, вышелъ изъ Варшавы, я почти ежедневно посѣщалъ Ома; въ моихъ похожденіяхъ сопутствовалъ мнѣ въ качествѣ адъютанта Розенбергъ, братъ г-жи Грюнбергъ, которого мы просто называли Даніель. Кроме дружескихъ бесѣдъ и музыки, я участвовалъ съ Мицей при собираніи яблокъ, грушъ и другихъ плодовъ.

Въ октябрѣ мы перѣѣхали на Длугу (длинную) улицу противу арсенала.

Я съ Даніелемъ продолжалъ ежедневно посѣщать Ома. Когда плоды были собраны, дошло дѣло до овощей, а въ концѣ осени и въ началѣ зимы мы чистили майсъ, горохъ, макъ и пр. Эта эпілога продолжалась до настоящей зимы—и поэтическое чувство къ милой Мици возвудило *) во мнѣ музыкальную дѣятельность: я написалъ въ теченіи осени романъ: Rozmowa Мицкевича по-польски и посвятилъ его Эмиліи Омъ. Написалъ также Адель и Мери Пушкина, первую изъ нихъ посвятилъ сестрѣ Ольгѣ Измайловой, а вторую Марьѣ Степановнѣ. Въ теченіи этой осени я часто встрѣчался у Ома съ старикомъ Курпинскимъ, извѣстнымъ въ свое время польскимъ композиторомъ. Онъ былъ человѣкъ свѣдущій и я съ удовольствиемъ бесѣдовалъ съ нимъ объ искусствѣ.

*) На погрѣбѣ рукою Глинки карандашомъ: «Хоръ для Смоленского монастыря».

Зима 1849 на 1850 годъ была чрезвычайно сурова, я захворалъ и долженъ былъ прекратить мои посѣщенія Ома. Весною я взялъ себѣ въ няни Теклу, еще молодую и довольно пріятной наружности дѣвушку. Она была добра и услужлива, но эти качества помрачали одинъ важный порокъ, къ сожалѣнію очень обыкновенный въ Варшавѣ: она периодически придерживалась водки и въ концѣ лѣта я вынужденъ былъ расстаться съ нею.

Въ теченіи лѣта я часто видался съ Дубровскимъ, Корсакомъ, Даніелемъ, Соболевскимъ (бывшимъ въ то время проѣзжимъ въ Варшавѣ) и коммисаріатскимъ чиновникомъ А. П. Григоровскимъ.

Въ началѣ осени государыня императрица (нынѣ вдовствующая) приѣхала въ Варшаву; на другой день приѣзда ея величества я сочинилъ романъ Ободовскаго Палермо, который посвятилъ государынѣ и который изданъ подъ именемъ Финскій заливъ.

Въ октябрѣ того же 1850 г. я былъ приглашенъ къ государынѣ императрицѣ на вечеръ. Это случилось по слѣдующему поводу: Ольга Николаевна, приѣхавшая также въ Варшаву, объявила князю Паскевичу, что она не уѣдетъ изъ Варшавы, не услыша и не увида Глинки.

Со мною приглашены были и Грюнберги: мать съ двумя дочерьми.

Государыня самыи ласковымъ образомъ привѣтствовала меня почти въ слѣдующихъ словахъ по-русски: «Здравствуй, Глинка! что ты тутъ дѣлаешь?» На мой отвѣтъ, что я нахожусь въ Варшавѣ по причинѣ климата менѣе суроваго, нежели въ Петербургѣ, ея величество изволила сказать: «разница не большая, но я рада, очень рада тебя видѣть». Я принужденъ былъ сбрить усы и бороду, такъ что когда я взошелъ въ залу, гдѣ находились гости, приглашенные на вечеръ, князь Паскевичъ, видѣвшій меня въ усахъ и бородѣ прежде того, поклонился мнѣ насмѣшилъ въ противуположномъ родѣ, послѣ чего князь поклонился мнѣ естественно и я ему также. Послѣ этого мы съ княземъ болѣе не встрѣчались.

Вскорѣ меня посадили за рояль, а около меня стояли дѣви-

цы Грюнбергъ. Ольга Николаевна и Бартенева сѣли у самаго рояля. Здѣсь нарушенъ мною хронологическій порядокъ. Еще весною 1849 г., въ бытность мою въ Петербургѣ И. К. Кавось просилъ меня написать выпускной хоръ для дѣвицъ Смольного монастыря. Я съ трудомъ согласился на его просьбу, потому что не хотѣлъ вступать въ соперничество съ ...., съ Львовыми и графомъ М. Ю. Вельгорскимъ, которые писали, и не удачно, для дѣвицъ Смольного монастыря выпускные хоры.

Въ 1850 г. въ концѣ лѣта Кавось прислалъ мнѣ стихи инспектора Смольного монастыря Тимаева; содержаніе ихъ было хорошо, но они были слишкомъ длинны. По расчету времени некогда было отослать ихъ въ Питеръ обратно для передѣлки и я по возможности могъ только сократить ихъ. Сверхъ того Кавось просилъ написать оркестръ, какъ можно слабѣе и предлагалъ мнѣ употребить фортепьяно, арфу и нѣсколько духовыхъ инструментовъ.

Зная по опыту, что отъ дудовъ (дураковъ, какъ ихъ называетъ дѣльно Кукольникъ) опрятнаго исполненія ожидать нельзя, съ фортепьяномъ и арфою я употребилъ весь оркестръ, наинструментовалъ пьесу такъ прозрачно и мягко, какъ только можно, съ тѣмъ, чтобы выказать голоса дѣвицъ, какъ можно болѣе. Окончивъ трудъ, я отослалъ его Кавосу съ подробнымъ наставлениемъ, какъ размѣстить оркестръ и дѣвицъ. Нѣть сомнѣнія, что Кавось, по свойственной ему разсѣянности, пренебрѣгъ моими замѣчаніями *). Хоръ не произвелъ надлежащаго эффекта и я вслѣдствіе того получилъ забавное письмо отъ Кавоса. Въ этомъ письмѣ сказано между прочимъ: «*Sa Majesté L'Empereur a trouvé que l'instrumentation du choeur est faible et moi je partage parfaitement l'opinion de Sa Majesté*». *Cavos partage l'opinion de Sa Majesté* **).

Въ началѣ октября 1850 мы перѣехали въ Налевки въ домъ Натансона. Квартира наша была очень опрятна и помѣстительна. Залъ былъ довольно большой и въ теченіи зимы съ 1850 на 1851 г. часто приходили во мнѣ молодые гризетки, плясали у меня и очень веселились. Въ концѣ зимы мое здо-

*) На полѣ копіи рукою Глинки карандашомъ написано: «Хоръ этотъ иска-
женъ отъ лѣноты Кавоса, но у Д. В. Стасова желающіе могутъ найти
вѣриный экземпляръ».

**) «*Bravo, bravissimo!*» Здѣсь, рукою Глинки, нарисована ослиная голова.

ровые начало очень разстраиваться, это происходило отчасти отъ куренія папиросокъ (что и прежде того мнѣ замѣчали нѣкоторыя знакомыя барышни), отчасти отъ венгерского вина, которое сильно бьетъ на нервы. Отъ того и другого я впослѣдствіи отсталъ совершенно.

Весною я также все какъ-то недомогалъ. Въ іюнѣ 1851 г. однажды послѣ обѣда я игралъ на фортепіано, у меня сидѣть А. Л. Неваховичъ (бывшій въ то время въ Варшавѣ), онъ привезъ съ собою католического ксендза и итальянскаго maestro Ricci. Don Pedro прервалъ мою игру на фортепіано: принесли мнѣ два письма изъ деревни, я попросилъ гостей, чтобы позвоили мнѣ прочесть ихъ, прибавя, что разомъ два письма предвѣщаютъ недобroe. Дѣйствительно, я получилъ извѣстіе о кончинѣ моей матушки; она, какъ праведница, угасла отъ старости.

Извѣстіе это поразило меня, но я не плакалъ. На другой день послѣ обѣда въ большомъ и указательномъ пальцахъ правой руки, коими я взялъ роковыя письма изъ рукъ Pedro, въ то самое время, когда Pedro принесъ мнѣ ихъ наканунѣ, почувствовалъ я слабость и какъ бы ползаніе мурашекъ и чрезъ нѣсколько минутъ правая рука ослабѣла до того, что я не могъ почти владѣть ею. Докторъ мой, Морицъ Вольфъ, увѣрилъ меня однако же, что это было временное первное раздраженіе—слова его впослѣдствіи оправдались.

Я первое время писать самъ не могъ, и съ величайшимъ затрудненіемъ подписывалъ свое имя. По моей просьбѣ Don Pedro увѣдомилъ сестру Людмилу о бѣдствіи меня постигшемъ; тогда же сестрѣ Людмилѣ съ ея мужемъ я далъ полную довѣренность на управление моихъ имѣній. Въ іюлѣ сестра Людмила приѣхала ко мнѣ въ Варшаву; ея внимательная дружба несказанно утѣшила меня. Я нѣсколько ожиль духомъ; мы распорядились по дѣламъ нашимъ сколько то было возможно. По отъѣздѣ сестры въ августѣ я передѣлалъ Potpourri изъ испанскихъ мелодій: Recuerdos de Castilla, развилъ пьесу и называлъ ее испанской увертюрой № 2. Писать ноты мнѣ стоило менѣе труда, чѣмъ подписывать мое имя.

Въ тоже время началъ хлопотать о паспортѣ за границу и послалъ докторское свидѣтельство въ С.-Петербургъ съ прошеніемъ. Не получая разрѣшенія о паспортѣ и видя изъ писемъ

сестры Людмилы, что бумаги, сдѣланные вслѣдствіе обдуманныхъ нами распоряженій, надобно было передѣлать, я рѣшился самъѣхать въ Петербургъ. Нанявъ почтовую карету (2-хъ-местную) я, Don Pedro, Даніель и мой поваръ отправились изъ Варшавы въ началѣ сентября; погода была превосходная и мы дѣхали благополучно. Вскорѣ по приѣздѣ въ Петербургъ погода начала портиться, а съ нею и мое здоровье. Гейденрейхъ прислужился мнѣ слабительнымъ, отъ котораго первы мои разыгрались, а такъ какъ болѣзнь усиливалась, то я и рѣшился приѣхнуть къ гомеопатическому доктору Жалю (Jal) *). Съ самаго начала леченія я почувствовалъ нѣкоторое облегченіе въ рукѣ.

Вскорѣ по приѣздѣ въ Петербургъ я перѣѣхалъ въ домъ Меликова. В. П. Энгельгардтъ часто навѣщалъ меня и познакомилъ меня съ меньшимъ братомъ Вл. Стасова, Дмитр. Вас. Стасовымъ, очень образованнымъ молодымъ человѣкомъ и хорошимъ музыкантамъ. У меня на квартирѣ былъ хороший фортепьяно, Энгельгардтъ прислуживался нотами и скоро мы завели тамъ играціе въ 4 руки.

Въ октябрѣ приѣхала въ Петербургъ сестра Людмила; послѣ совѣщенія съ добрымъ нашимъ родственникомъ А. В. Казадаевымъ, сдѣланныя въ Варшавѣ бумаги оказались ненужными. Пришлось мнѣ съ несказаннымъ трудомъ (въ началѣ ноября) подписывать другіе документы. Сестра Людмила, приѣхавъ въ Петербургъ, поселилась у В. И. Флѣри. 17-го ноября, въ день рожденія своего она сдѣлала у себя вечеръ; на немъ объявила мнѣ, что она остается всю зиму со мною и что уже квартира ею нанята для насъ. Это дружеское участіе сестры тронуло меня до глубины души.

1-го декабря, мы съ сестрой перѣѣхали въ домъ Жукова на углу Невскаго проспекта и Владимірской улицы. Квартира была довольно удобна, залъ большой. Вскорѣ мы наняли 2 рояля у Мельцеля; впослѣдствіи Энгельгардтъ велѣлъ перенести къ намъ фортепьяно. Начали играть сперва въ 8, а потомъ и въ 12 рукъ. Сколько помнится, въ пятницу вечеромъ собирались участвовать въ этомъ дѣлѣ, а именно:

Дмитрій Стасовъ {
А. Н. Сѣровъ { 1 forte-piano.

*) «Жаль, что взялъ Жала». Рукою Глинки.

B. П. Энгельгардтъ
К. П. Вильбуа } 2 forte-piano.

Сверхъ того Дубровскій, переведенный еще до моего приѣзда въ Петербургъ въ качествѣ профессора польского языка въ Педагогическомъ институтѣ, познакомилъ насть съ прекраснымъ пьянистомъ и очень милымъ человѣкомъ, по имени De Santis.

Для игры въ 12 рукъ Энгельгардтъ доставлялъ потребныхъ на то музыкантовъ и самъ прилежно перекладывалъ на 12 рукъ преимущественно изъ моихъ оперъ.

Вообще жилось довольно мило и пріятно; но здоровье шло хуже и хуже. Я совершенно лишился аппетита и почти въ течении декабря ничего не ъѣлъ. Причиною этого жестокаго разстройства желудка полагаю, что, начавъ лечиться гомеопатически, мнѣ вздумалось (не знаю по чѣму) пить воду, ъѣсть холодная кушанья и пр. Это болѣзненное состояніе продолжалось до 21 января 1852 г. и ночью разразилось жесточайшимъ и мучительнымъ разстройствомъ желудка (*colique*); рвота и жестокій (почти кровавый) поносъ терзали меня день и двѣ ночи.

Гейденрейхъ, призванный на помощь Жалю (котораго я оставилъ; съ тѣхъ поръ французскимъ докторамъ рѣшительно не довѣряю), въ недѣлю меня спасъ отъ опасности, которая мнѣ угрожала.

Когда я нѣсколько поправился, по просьбѣ Львова, я занялся приготовленіемъ пѣвчихъ (большихъ), которые должны были участвовать въ исполненіи его Молитвы у креста (*Stabat mater*). Въ тотъ годъ (1852) былъ 50-ти-лѣтній юбилей филармоническому обществу; нѣмцы хотѣли дать пьесу и моего сочиненія. Гр. Мих. Юр. Віельгорскій и Львовъ вытѣснили меня; негодованія съ моей стороны не было и, какъ сказано выше, я училъ и кормилъ пѣвчихъ.

28 февраля былъ у насть большой музыкальный вечеръ, производили въ особенности аріи Глюка съ гобоями и фаготомъ, оркестръ замѣнало фортепьяно. Глюкъ тогда еще больше произвелъ на меня впечатлѣніе—изъ его музыки слышанное мною въ Варшавѣ не могло еще мнѣ дать о немъ столь ясное понятіе.

Въ мартѣ, когда я началъ оправляться еще болѣе, посѣтилъ я, въ обществѣ Энгельгардта и Гейденрейха, оранжереи императорскія на Аптекарскомъ островѣ. Мое мнѣніе, что они лучше

устроены и богаче большими пальмами и другими тропическими растениями, нежели парижская оранжерея (*serres*) въ *Jardin des plantes* въ Парижѣ.

Въ апрѣлѣ сестра устроила (именно сестра, а не я) 2-ой концертъ для филармонического общества. Участвовала Шиловская и пѣла нѣсколько моихъ пьесъ. Оркестръ исполнилъ испанскую увертюру № 2 (A-dur) и Камаринскую, которую я тогда слышалъ въ первый разъ. Ф. М. Толстой (Ростиславъ) былъ на репетиціи и именно на этой-то репетиціи была рѣчь о томъ, какъ онъ объяснилъ е. и. в. государынѣ императрицѣ (нынѣ вдовствующей) значеніе педалей на Fis и на Do въ заключеніи (*Régoraison*). Знаменитый нашъ критикъ по глубокому пластическому воззрѣнію не нашелъ ничего лучшего и умнѣе какъ только то, что пьяный-де толчется въ дверь.

Къ пасхѣ по желанію сестры я написалъ первоначальную польку (такъ она названа въ печати *). Эту польку я игралъ въ 4 руки съ 40-го года, написалъ же ее въ апрѣлѣ 1852 года.

На вечерѣ, который устроилъ для меня к. Одосвскій въ томъ же апрѣлѣ мѣсяцѣ и гдѣ находились многіе изъ моихъ знакомыхъ, въ присутствіи ихъ графъ М. Ю. Віельгорскій началъ трунить надо мною, но я отъ него преловко отдался.

Въ концѣ апрѣля былъ также (*à mon intention*) вечеръ у Новосельскаго (онъ былъ уже женатъ). На немъ повторили съ фаготомъ и гобоемъ часть пьесъ, исполненныхъ на нашемъ вечерѣ 28 февраля.

Въ маѣ былъ (*à mon intention*) вечеръ у к. Мих. Волконскаго, играли квартеты, были на вечерѣ: Шубертъ, Шерингъ и Белингъ.

У насъ два раза былъ Шубертъ и играли квартеты.

Около половины мая (20 мая) сестра поѣхала со мною, Д. А. Шестаковымъ и А. Н. Сѣровымъ на биржу. Эль (которымъ, по нашему желанію, сестра угощала насъ) произвелъ совершенно различное дѣйствіе: я (противу обыкновенія) сохранилъ евилибръ (равновѣсіе), Д. А. сдѣлался чрезвычайно веселъ и разговорчивъ, у словоохотника же А. Н. Сѣрова языкъ прилипъ

къ гортани. 21 мая (день моего ангела) я выпустилъ въ Лѣтній садъ 2 пѣночки и юльку, которыхъ потѣшили меня весною. Позавтракавъ у Donop, мы съ сестрою провели день въ Царскому Селѣ; къ ужину вечеромъ собрались пріятели, т.-е. наша компанія.

ПЕРИОДЪ XV.

Третье путешествіе за границу и возвращеніе въ Россію.

23 мая, сестра и пріятели проводили меня за границу съ Don Pedro. Мы отправились въ почтовой каретѣ до Варшавы. На другой день путешествія мы взяли въ свою карету довольно красивую барыню. Ея общество доставило мнѣ нѣсколько развлеченія во время путешествія и я сочинилъ ей маленькую мазурку въ родѣ Chopin—эта мазурка понравилась въ Варшавѣ и Парижѣ.

Изъ Варшавы, гдѣ мы не долго оставались, мы отправились на Ченстоховъ и Бреславль въ Берлинъ. Въ день приѣзда въ Römischen Hotel утромъ былъ у меня Мейерберъ—между прочимъ онъ сказалъ мнѣ: «Comment se fait-il, M-r Glinca, que nous vous connaissons tous de r  putation, mais nous ne connaissons pas vos oeuvres?»—«Cela est tr  s naturel, lui ai-je r  pondu, je n'ai pas l'habitude de porter mes productions». Впрочемъ, Мейерберъ чрезвычайно обходителенъ и любезенъ. День показывалъ мнѣ все примѣчательное. Я хорошо осмотрѣлъ музеумъ и звѣринецъ. День угощалъ меня также квартетами и мозельвейномъ.

Изъ Берлина, переночевавъ въ Ганноверѣ, на другой день приѣхали мы въ Кёльнъ. Провели тамъ сутки и видѣли катедраль;—жалъ, что его возобновляютъ и достраиваютъ: тоже, да не тоже. Изъ Кёльна ѿхали мы вверхъ по Рейну до Страсбурга. Милое путешествіе.

Оставшись нѣсколько дней въ Страсбургѣ, мы осмотрѣли катедраль и видѣли знаменитые часы. Желѣзная дорога между Парижемъ и Страсбургомъ не была еще окончена и мы часть пути мучились въ дилижансѣ. Дилижансы во Франціи дѣйствительно мучительны, ихъ грузятъ ужасно, а сидѣть пассажирамъ тѣсно, притомъ же гг. кондукторы большіе невѣжи; пробывъ нѣсколько часовъ въ Nancу (весыма опрятнѣкомъ городѣ) по желѣзной дорогѣ рано, на другой день, прибыли въ Парижъ.

Не безъ удовольствія въѣхали я въ Парижъ; много, много

прежняго, былого отозвалось въ душѣ моей. Я поселился въ Hotel de la marine, гдѣ останавливался прежде и гдѣ нашелъ знакомыя лица.

Вскорѣ отыскались знакомые: Henry Merim e (котораго статья о Жизни за Царя приведена мною въ концѣ 3-й части этихъ записокъ), съ которымъ, посредствомъ Мельгунова, по поводу этой статьи я познакомился еще въ 1845 г. зимою. Я уже тогда съ нимъ сблизился дружески, въ 1852 году лѣтомъ онъ былъ въ Парижѣ и съ нимъ осматривали Hotel de Cluny, музей и также древнія улицы Парижа.

Приѣхалъ на короткое время въ Парижъ Д. А. Пестаковъ, и мы съ нимъ въ теченіи 2-хъ дней были неразлучны и съ дѣтскими веселіемъ беззаботно предавались разнообразнымъ парижскимъ удовольствіямъ.

Такъ какъ цѣль моей поѣздки была Андалузія, а именно: Севилья, то въ іюлѣ мы отправились въ Chalon sur Saône по желѣзной дорогѣ. Мы выѣхали вечеромъ; ночью во время перехода нѣсколько часовъ я мучился отъ нервнаго ощущенія заміранія со страхомъ, подобнаго тому, которое испыталъ въ 1847 году въ Новоспасскомъ и Смоленскѣ.

Къ утру страданія унялись и мы по Сонѣ (Saône) на пароходѣ отправились въ Ліонъ, гдѣ переноочевали. Несмотря на живописное мѣстоположеніе Лиона, послѣ мучительныхъ страданій прошедшой ночи, я былъ въ какомъ-то непріятномъ онѣмѣніи. Изъ Лиона по Ронѣ (Rhône) на пароходѣ же отправились въ Avignon, куда прибыли часовъ въ 5 пополудни. Берега Роны не столь живописны, какъ Рейна, а всѣ способы путешествія во Франціи въ то время были несравненно неудобнѣе, чѣмъ въ Германії.

Въ Авиньонѣ осмотрѣли мы бывшій папскій дворецъ, обращенный теперь въ казармы; подлѣ дворца сдѣлано между скаль съ большимъ вкусомъ гулянье; насажены между голыхъ камней вѣчно зеленые деревья. Это гулянье ведеть къ террасѣ, съ которой представляется превосходная панорама: подъ ногами (*à vol d'oiseau*) большая часть города; Рона, раздѣленная на нѣсколько рукавовъ; вдали съ одной стороны чуть виднѣлись Альпы, съ другой Пиренеи.

Мы долго любовались этой панорамой. На другой день ут-

ромъ, въ Авиньонѣ, гдѣ мы переночевали, возобновилось первое раздраженіе съ ужаснѣйшою силою. Я принялъ гомеопатическое Ignatia и успокоясь нѣсколько, послѣ завтрака, отпра-вились мы по желѣзной дорогѣ въ Восаїге, гдѣ тогда была ярмарка; но мнѣ тогда было не до ярмарки, ни до Воклюза, я спѣшилъ въ Монтпелье и Тулузу, чтобы скорѣе добраться до Испаніи. Судьба опредѣлила иначе.

Монтпелье, который очень хвалить, мнѣ не понравился во-все, равно какъ и гулянье, называемое Peugon. Въ дилижансѣ изъ Montpellier въ 24 часа приѣхали мы въ Тулузу, гдѣ оста-новились въ извѣстномъ уже намъ Hôtel Cosset tenu par Chauvart.

Мы пробыли тамъ около двухъ недѣль, въ продолженіи ко-ихъ я страдалъ ежедневно. Въ Тулузѣ познакомились мы съ Emile Delille, съ которымъ часто видались въ Парижѣ. Онъ былъ образованъ, услужливъ, но гасконецъ.

Безпрерывное страданіе отвратило меня отъ намѣреніяѣхать въ Испанію и я рѣшился возвратиться въ Парижъ, а чтобы пу-тешествовать покойнѣе, я приказалъ нанять крытую коляску и мы на почтовыхъ безъ малаго въ двое сутокъ доѣхали до Poitier, оттуда по желѣзной дорогѣ въ Touг, на другой день въ Blois, на третій въ Orléans, на четвертый въ Парижъ. По причинѣ дурной погоды и севернаго расположенія духа я не видалъ замковъ: Chambord и Chenonceaux; берега Лоары показались мнѣ менѣе живописными, нежели берега Сены; за-вѣрность этого мнѣнія не отвѣчаю.

Въ Парижѣ мы возвратились 15 августа день св. Наполеона; всѣ Hotêls были полны; въ Hôtel de la marine, гдѣ мы остановились, не было комнаты и мы переночевали въ столо-вой, кто на диванѣ, кто на столѣ. Мы вскорѣ нашли удобную квартиру въ Rue Rossini подлѣ большой оперы (Académie de musique), эта квартира была на солнцѣ и слѣдственно веселень-кая. Въ томъ же домѣ мы отыскали молодую женщину м-те Jean, которая убирала наши комнаты и готовила намъ кушанье. Въ томъ же домѣ жила старушка м-те Beaucé, она была чрез-вычайно живого и веселаго нрава, учila музыкѣ и весьма не дурно. Дочь ея м-те Идолде была первой пѣвицей въ opéra comique. Вскорѣ по переѣздѣ нашемъ въ Rue Rossini мы

познакомились съ т-те Beaucé и она однажды вечеромъ собрала у насъ въ залѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ ученицъ, которыхъ впослѣдствіи осенью и зимою приходили постоянно заниматься со мною пѣніемъ, итальянскимъ въ особенности.

Сентябрь былъ превосходный и я поправился до такой степени, что принялъся за работу. Заказалъ себѣ партитурной бумаги огромнаго размѣра и началъ писать симфонію украинскую (Тарасъ Бульба) на оркестръ. Написалъ первую часть первого Allegro (C-moll) и начало второй части, но не будучи въ силахъ или расположенніи выбиться изъ нѣмецкой колеи въ развитіи, бросилъ начатый трудъ, который впослѣдствіи Don Pedro истребилъ *).

Въ концѣ октября погода стала портиться и чтобы избѣгнуть скучи, съ содѣйствіемъ Don Pedro отыскалась молодая миловидная няня, по имени Léonie, сокращеніе Ninie.

Ей было лѣтъ 19 отъ роду, родомъ была она изъ департамента Jura (что нѣсколько часовъ отъ Женевы), была болѣе похожа на швейцарку и отличалась особенною свѣжестью лица. Она была смирна, но плоховата. Впрочемъ, зиму съ 1852 на 1853 г. я провелъ хорошо, домосѣдно, тихо и довольно пріятно. По утрамъ топили каминъ въ залѣ, и передъ завтракомъ у насъ было похоже на Cabinet de lecture; каждый сидѣлъ за своею книгою; послѣ завтрака почти ежедневно приходила одна изъ ученицъ т-те Beaucé. Въ 5-мъ часу мы обѣдали, иногда обѣдать приходили къ намъ пріятели, а вечеръ также не оставались мы одни.

Въ эту зиму прочелъ я, по указанію Henry Merimée: Иліаду и Одиссею Гомера (переводъ прозою т-те Dacier); почти всего Овидія. Emile Delille (съ которымъ мы познакомились въ Тулузѣ) поселился въ Парижѣ и снабжалъ меня книгами изъ своей библіотеки. Онъ далъ мнѣ превосходное изданіе Овидія съ прекрасными гравюрами и Неистового Роланда Ариосто, который мнѣ очень понравился. Въ музыкальномъ отношеніи было не много примѣчательнаго. Вскорѣ по прибытии нашемъ въ Парижъ, Henry Merimée познакомилъ насъ въ семействѣ т-г Duport; тамъ собирались иногда по вечерамъ любите-

*) «Хорошъ былъ баринъ». Прим. М. И. Глинки.

ли и любительницы музыки и пѣли очень ловко разные шог-
сеах d'ensemble.

Театръ посѣщалъ я рѣдко по причинѣ той, что парижане нещадно душатся и въ театрахъ атмосфера невыносимая. Я слышалъ однажды 2 раза въ орѣга соміque Іосифа Мегюля, очень хорошо исполненного, т.-е. безъ всякихъ вычуръ и такъ открыто, что несмотря на то, что Іосифъ и Симеонъ были плоховаты, исполненіе этой оперы тронуло меня до слезъ. Bussi-
ле въ роли Іакова былъ превосходенъ.

Волковъ прислужился Ninie и мнѣ ложею въ орѣга соміque на первое представлѣніе оперы Обера Marco Spada. Начало увертуры чрезвычайно мило и обѣщало много хорошаго; но Allegro увертуры и музыка оперы оказались весьма неудовлетворительными.

Волковъ былъ абонированъ на концерты въ парижской консерваторіи, ему было известно невыгодное мое мнѣніе о вычурномъ способѣ исполненія въ этихъ концертахъ, въ особенности Бетховенской музыки. Онъ пожертвовалъ мнѣ однимъ концертомъ единственно для того, чтобы я повѣрилъ прежнее впечатлѣніе. Между прочимъ давали въ тотъ концертъ 5-ю симфонію Бетховена (C-moll); исполненіе нашель я совершенно такимъ же, какъ и прежде, т.-е. очень вычурнымъ; рѣдо доходили до нелѣпой Рубиневской степени, а гдѣ мало-мальски надлежало выходить духовымъ, они жеманно рисовались; однимъ словомъ, симфоніи Бетховена не было (elle a été complѣtement escamot  e). Другія же пьесы, какъ хоръ дервишей изъ Аѳинскихъ развалинъ Бетховена и симфонія Моцарта, исполнены были отчетливо и весьма удовлетворительно.

Зимою съ 1852 на 1853 г. часто посѣщалъ меня Steiner, женатый на старшей дочери т-ре Beauc  , нерѣдко бывалъ сынъ ея Henry Beauc  , весьма молодой мальчикъ, хороший музыкантъ; онъ не дурно пѣлъ, хотя нѣсколько въ носъ, высокимъ теноромъ. Steiner смѣшилъ насъ различными фарсами.

Въ началѣ весны Ninie уѣхала къ роднымъ, я также собирался въ обратный путь, мало-по-малу здоровье мое снова начало портиться и мнѣ начало быть скучно въ Парижѣ. Возникъ восточный вопросъ; это обстоятельство еще болѣе увеличило желаніе возвратиться во-свои и нѣть сомнѣнія, что я

бы уѣхалъ изъ Парижа, если бы нашелъ содѣйствіе въ этомъ намѣреніи со стороны моего товарища Don Pedro, который рѣшительно пристрастился къ Парижу и оказывалъ уже и ъкоторое сопротивленіе. Съ другой стороны, меня пугала желѣзная дорога и я изыскивалъ другой способъ путешествовать; поручилъ мужу нашей кухарки, ш-те Jean, опытному въ кучерскомъ дѣлѣ человѣку, развѣдать, нельзя ли дешево приобрѣсть подержанную 2-хъ-мѣстную карету и будутъ ли еще почтовыя лошади къ услугамъ ѿдущимъ въ собственныхъ экипажахъ. Приобрѣтеніе кареты оказалось возможнымъ, но почтовыя лошади по всѣмъ направленіямъ желѣзной дороги уже не существовали. Это меня ввергло въ непріятное положеніе; съ разстроеннымъ желудкомъ и раздраженными нервами я не зналъ, на что рѣшиться. Между тѣмъ подвернулась мнѣ бойкая и веселонравная, довольно миловидная, молоденькая гризетка изъ Бордо. Мы перешли изъ гue Rossini въ концѣ апрѣля въ гue Rischeg № 43, въ квартиру чрезвычайно удобно расположенную и вновь очень опрятно меблированную. Нашлась подлѣ нашей квартиры маленькая квартирка и для Амалии, такъ звали мою бордолезку. По просьбѣ нашей ш-те Соурѣ (отдававшая намъ въ наемъ квартиру, жена *d'un tapisier*), женщина пріятныхъ свойствъ, отрекомендовала намъ для услугенія и, какъ кухарку, индіанку (*Indienne*) Zoé изъ Pondichery. Зоѣ было подлѣ 40 лѣтъ, она была маленькая, очень смуглая, почти коричневаго цвѣта женщина, голось ея былъ совершенно дѣтскій. Она была чрезвычайно чистоплотна, готовила кушать хорошо, а жарила на вертелѣ въ совершенствѣ. Хотя восточный вопросъ разгорался все болѣе и болѣе и я тогда же предвидѣлъ, что онъ доведетъ до войны; несмотря также на то, что я часто страдалъ желудкомъ и нервами; не взирая, прибавлю, и на то, что это страданіе и печальные размышенія довели меня до тоски по отчизнѣ (*Nostalgie*); несмотря на то, я не бралъ доктора, по справедливости опасаясь шарлатановъ французскихъ и другихъ; не мало было и отрадно-разнообразныхъ минутъ.

Раннею весною приѣхалъ кн. Алексѣй Дм. Салтыковъ изъ Египта въ Парижъ. Я съ нимъ былъ давно знакомъ, а въ теченіи 1853 г. мы съ нимъ часто дружески видались. Нерѣдко въ началѣ весны, когда еще почти не было зелени, ѿезжали мы

въ Bois de Boulogne и позже лѣтомъ нерѣдко обѣдали и проводили время вмѣстѣ. Онъ художникъ въ душѣ — дипломатъ (черезъ-чуръ вѣжливый по наружности). Садъ des Tuilleries превосходенъ весною: яркая зелень дикихъ каштановъ (шаггонiers), сирени въ полномъ цвѣту — но въ особенности рой миловидныхъ, уже ловкихъ и мило одѣтыхъ дѣтей, дѣвочекъ въ особенности, нравится и привлекаетъ.

Амалія иногда веселила, но чаще докучала мнѣ своею излишнею живостію. Она уѣхала въ Бордо около начала іюня. До ея отѣзда случайно отыскалась одна наша знакомая испанка, по обратному путешествію нашему изъ Севильи въ Мадридъ въ 1847 г. Антонія была очень хорошенъкая, рѣзвая и веселая андалузка; къ сожалѣнію она скоро уѣхала обратно въ Испанію.

Adeline H., изрѣдка навѣщавшая Амалію модистка, по моему приглашенію посѣщала меня часто, а лѣтомъ переѣхала ко мнѣ въ качествѣ няни. Ей было подъ 30 лѣтъ, она была пріятная, довольно благовоспитанная и очень грамотная барышня.

Однажды въ исходѣ лѣта, возвратясь изъ утренней прогулки, я засталъ Мейербера въ нашей гостиной съ Don Pedro. Съ свойственной ему любезностію, Мейерберъ говорилъ о разныхъ предметахъ; спросилъ обѣ изданіи моихъ оперъ; я показалъ ему печатные экземпляры, бывшіе со мною «Жизни за Царя» и «Руслана». Рѣчь зашла о Глюкѣ и на вопросъ мой, производить ли музыка его эффектъ на сценѣ? Мейерберъ отвѣчалъ мнѣ, что именно на сценѣ только Глюкъ становится великимъ (*grandiose*). Онъ обѣщалъ мнѣ при моемъ отѣзду дать знать въ Берлинѣ заблаговременно и похлопотать о томъ, чтобы одну изъ Глюковыхъ оперъ дали для меня. Въ Берлинѣ — въ то время были на сценѣ 4 оперы Глюка: двѣ Ифигеніи, Армида и Альцеста. Отъ Глюка перешли мы къ другимъ классическимъ композиторамъ, при чемъ я высказалъ мой взглядъ на искусство. «Mais vous êtes très difficile!» сказалъ мнѣ Мейерберъ; «j'en ai complѣtement le droit», отвѣчалъ я ему, *je commence par mes propres œuvres, dont je suis gageusement content*.

Послѣ этого раза я не встречался съ Мейерберомъ; зимою или къ веснѣ онъ поставилъ въ Opéra comique оперу: l'É-

toile du Nord; я ее не слыхалъ и негодовалъ за то, что въ ней выведенъ Петръ I-й весьма непочтительно.

Въ концѣ лѣта 1853 г. египетскій паша прислали императору французовъ молодого бегемота (Нирропотаме); стеченіе въ Jardin des plantes было такое, что мы съ Pedro долго не могли увидѣть этого любопытнаго звѣря. Былъ также привезенъ троглодитъ (Chimpansé), хотя не большой, но настоящей породы. Въ лѣтніе мѣсяцы онъ сидѣлъ въ большой клѣткѣ, гдѣ оставили немного обезьянъ, съ которыми онъ выдѣлывалъ удивительныи проказы.

Кромѣ посѣщенія Jardin des plantes и прогулокъ по окрестностямъ, я любилъ иногда угождать соотечественниковъ обѣдомъ у себя. Каждый новоприѣзжій пріятель непремѣнно, по моему настоятельному требованію, являлся ко мнѣ на обѣдь. Я самъ съ Зоею ходилъ выбирать плоды и умѣлъ очень ловко распоряжаться.

Въ глубокую осень поставили въ моей спальнѣ калориферъ, который былъ такъ хороши, что въ зимнее время, когда морозило, несмотря на то, что не было двойныхъ оконъ, мнѣ было тепло; некоторые знакомые снимали даже сюртуки и галстуки въ моей спальнѣ.

Несмотря на это, я хворалъ всю зиму, вѣроятно отчасти оттого, что курилъ папиросы, несмотря на неоднократныя предостереженія Аделины, справедливо замѣчавшей, что куреніе табаку мнѣ вредило. Зиму всю я сидѣлъ дома и хандрилъ. Аделина читала бойко и отчетливо. Она прочла мнѣ почти всего Paul de Kock, Тысяча одну ночь (жалѣ, что я не читалъ этихъ сказокъ, до сочиненія моей оперы Русланъ!) и Décameron Боккачіо. Серьезнымъ чтеніемъ и дѣломъ я не былъ расположенъ заниматься.

Вскорѣ по объявленіи войны Россіи съ Франціею, я съ Pedro уѣхалъ изъ Парижа, навѣстивъ передъ отѣздомъ Jardin des plantes, какъ любимое мною мѣсто. Какъ было тепло и пріятно въ этомъ чудесномъ саду—цвѣли плодоносныя деревья и магноліи. Въ ночь передъ самимъ выѣздомъ у меня сдѣгалось сильное разстройство желудка, несмотря на это утромъ на другой день я выѣхалъ по сѣверной желѣзной дорогѣ.

Это было въ началѣ апрѣля 1854 г. по новому стилю.

Аделина провожала меня до желѣзной дороги. Вечеромъ въ 10 часовъ мы прибыли благополучно въ Брюссель и остановились въ Hôtel de Suède.

Намъ подали ужинать, но, послѣ бывшаго со мною разстройства желудка, я не могъ рѣшительно ъсть, притомъ же трактирная пища мнѣ показалась очень нехорошою.

На другой день братъ Непту Веаисѣ пригласилъ меня съ Pedro обѣдать; я ничего не ъелъ, но не отказался отъ превосходныхъ винъ, которыми онъ угощалъ настъ. Вечеромъ мы были въ театрѣ и порядкомъ посмѣялись—давали пьесу, которая относилась къ тогдашнему политическому вопросу. На третій день приѣзда въ Брюссель я посѣтилъ семейство Фейгенъ. Одна изъ барышень была невѣстой Дамке, съ которымъ я тогда познакомился. Мы были въ мастерской очень талантливаго, но крайне сумасброднаго живописца, имени не упомню. Его картины произвели на меня крайне непріятное впечатлѣніе. Вечеромъ того дня съ семействомъ Фейгенъ мы отправились къ одному бельгійскому любителю музыки. На вечерѣ были тамъ скрипачъ Leonard съ женою и Серве. По моей просьбѣ исполнили тріо D-dur Бетховена; на фортепьяно игралъ очень хорошо, т.-е. просто (не вычурно) и отчетливо самъ художникъ, на скрипкѣ Leonard, на віолончелѣ, не знаю кто, только не Серве, который не игралъ вовсе, а важничалъ и между прочимъ пригласилъ меня къ себѣ въ помѣстье поохотиться.

Когда я по окончаніи тріо сталъ благодарить хозяина, онъ, указывая на Серве и на другихъ, находившихся тамъ виртуозъ, сказалъ мнѣ: «Ce sont tous mes amis, mais je ne les aime pas».

На Кёльнѣ и Ганноверѣ по желѣзной дорогѣ, мы проѣхали въ Берлинѣ. Меня до крайности размололо, мы ъехали a vec la grande vitesse.

Съ радостію я увидѣлъ Дена, который угощалъ меня квартетами, Гайдна въ особенности. Не былъ забытъ и мозельвейнъ. Здоровье мое было разстроено; погода сдѣлалась очень сурова; но я перемогался, вспомнилъ что даютъ Глюка на театрѣ и рѣшился, несмотря на недугъ, услышать одну изъ его оперъ. По совѣту Дена я обратился къ издателю Шлезингеру, который съ израильскою услугливостью представилъ меня директору театровъ, который принялъ меня ласково и обѣщалъ мнѣ

свое содѣйствіе. Кромѣ меня былъ въ Берлинѣ приѣзжій композиторъ изъ нѣмцевъ (имени не упомню), который также, какъ и я, желалъ слышать одну изъ оперъ Глюка. По совѣту Шлезингера я былъ у первой пѣвицы г-жи Кѣстеръ. Съ разрѣшенія короля дали наконецъ Армиду. Эффектъ на сценѣ этой музыки превзошелъ мои ожиданія; сцена въ очарованномъ лѣсу D-dur съ сурдинами очаровательна. Сцена 3-го дѣйствія съ иена вистью (большая сцена, какъ ее называютъ нѣмцы) необыкновенно величественна. Г-жа Кѣстеръ по моему была хороша, пѣла вѣрно, играла умно; стройный ея станъ чрезвычайно хорошо шелъ къ ролю. Оркестръ по моему лучше несравненно, чѣмъ въ парижской консерваторіи—играли безъ вычуръ, но отчетливо—полнота этого оркестра была болѣе чѣмъ удовлетворительна: двѣнадцать 1-хъ, двѣнадцать 2-хъ скрипокъ, 8 альтовъ, 7 віолончелей и столько же контрабасовъ, духовыхъ по два инструмента. Обстановка очень хорошая (*Zweckmässig*), сады изъ ландшафтovъ Клодъ Лорена, балетъ и прочее. Это было 74-е представление Армиды и театръ былъ полонъ.

Я былъ также въ Singverein въ страстную пятницу; давали Tod Jesu Граунѣ, пѣли не дурно—оркестръ былъ слабъ, а музыка еще слабѣе.

Въ Варшаву я приѣхалъ благополучно и остался тамъ лишнюю недѣлю по причинѣ опухоли правой ноги (вѣроятно отъ тѣсныхъ парижскихъ сапогъ). Корсакъ, поэтъ Вольскій и Н. Волковъ, который былъ сдѣланъ директоромъ Штукъ-пенкныхъ, часто навѣщали меня; послѣдній далъ мнѣ на время свой ріаніо.

Вольфъ успокоилъ меня на счетъ ноги; благодаря кн. А. М. Голицына (директора почты въ Варшавѣ) 11 мая въ почтовой каретѣ мы отправились въ С.-Петербургъ, куда прибыли благополучно 16 мая 1854 г. рано по утру; я вздрѣнулъ, а Pedro, узнавши адресъ сестры въ Царскомъ Селѣ, полусонного перевезъ меня въ Царское, гдѣ я нашелъ сестру Людмилу Ивановну и маленькую крестницу племянницу Оленѣку въ вождѣлѣнномъ здравіи.

КОНЕЦЪ.